

053
Воскресенье, 26 Декабря.

Театръ и Искусство

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

1904 годъ.

VIII годъ изд.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ НОМЕРЪ

№ 52.

MS

АДРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Съ перваго Января 1905 г., для облегченія сношеній, разсѣянныхъ по всей Россіи, сценическихъ дѣятелей, редакция журнала „Театръ и Искусство“ вводитъ адресный листокъ для своихъ подписчиковъ, за вполнѣ доступную цѣну (1 руб. за адресъ въ теченіе всего года, т. е. въ 52 №№).

Адресъ можетъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, амплу, мѣстожителство, со всѣми въ теченіе года перемѣнами адреса.

Сценическіе дѣятели, не состоящіе подписчиками журнала и желающіе пользоваться адреснымъ листкомъ, платятъ за годовой адресъ—3 рубля.

Отъ редакціи.

Въ ближайшихъ номерахъ „Театра и Искусства“ за 1905 г. будутъ, между прочимъ, напечатаны: „Маленькій романъ“, п. въ 1 д. *С. А. Найденова*; „Крылья связаны“, пьеса въ 4 д. *И. Н. Потапенко*; „Весенній потокъ“, пьеса въ 4 д. *И. Косоротова*; „Необыкновенный человекъ“ („Der Meister“) п. въ 4 д. *Бара*, пер. *З. Венеровой*; „Эльга“ новая пьеса *Г. Гауттмана*; „Жарь-птица“, новая комедія въ 4 д. *В. О. Трахтенберга*; „Монологи и діалоги“ *В. В. Виллибинъ* (двѣ серіи) для любительскихъ спектаклей, дивертисментовъ и пр.; „Рабы“, пьеса въ 4 д. *И. Платона*; „Попрыгунья“, сцена въ 1 дѣйстви. *П. Невлякина*, и друг. „Офелія“, этюдъ *В. П. Далматова*, статьи *А. Л. Волинскаго* и др. Воспоминанія *П. М. Медведева*; Воспоминанія *П. А. Стрелетовой*; „Искусство монолога“, *Яожена*; „Лит. обзорнія“ *А. А. Измайлова*.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ одесскому краху.—Письмо въ редакцію.—Хроника театра и искусства.—Маленькая хроника.—Письма въ редакцію.—Забутыя цѣли. *А. Боброчева-Пушкина*.—Возобновленіе „Руслана“. *Г. Тимофеева*. 1000-е представленіе „Карменъ“.—О театральной ремакѣ. *И. Импрессиониста*.—Рождественскіе наброски. *Нура*.—Кто кого? *Ното Новис*.—Замѣтки уполномоченнаго.—По Россіи. III. Вильна. *Ва. Лискаго*.—Провинціальная лѣтопись.—Адресный листокъ.—Объявленія. Р и с у н к и: „Крылья связаны“ (2 рис.), 1000-е представленіе „Карменъ“ (5 рис.), Джемма Веллинчони и г. Томарсъ въ „Сельской чести“, (шаржи) „Мастеръ“ (4 рис.). Портреты: Иды Альберъ, Бизе, С. Чарусской, Никольскаго-Федорова. Приложеніе: „Словарь сценическихъ дѣятелей“, выпускъ XIV.

Открыта подписка на 1905 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(IX-й годъ изданія).

52 №№ ЖУРНАЛА **24** КНИГИ „БИБЛИОТЕКИ“. Въ библиотекѣ будутъ помѣщены около 30 новыхъ репертуарныхъ пьесъ романы, повѣсти, статьи научно-популярнаго содержанія. **2—3** выпуска „словаря сценическихъ дѣятелей“. Нотныя приложенія.

7 руб. — годъ, **4** руб. — полгода.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ: **3** руб. при подпискѣ и по **2** руб. къ 1 апрѣля и 1 юня.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Спб. Моховая, 45. Телеф. № 1669. Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской, въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго—въ пассажѣ.

Отдѣльные №№ продаются по 20 к.

Объявленія—40 к. со строки петита позади текста и 50 к. спереди.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА „Театра и Искусства“: въ **С.-Петербургѣ**—въ кіоскахъ Пташникова, въ кн. маг. „Новаго Времени“, „Музыкальный Миръ“ (Морская, 19), Риккертъ (Невскій, 14), Віоле (М. Конюшенная, 16-26), Мелье (Невскій, 20) въ театральной библиотекѣ Н. С. Волкова-Семенова, въ Пассажѣ, въ канцеляріи Театральной Общества и др.; въ **Москвѣ**—

въ кіоскахъ г. Анисимова, Просина, въ конторѣ Н. Печковской, въ бюро Театр. Общ. и др.; въ **Кіевѣ**—въ кіоскѣ „Юго-Западная Недѣля“ (уг. Крещатики и Прорѣзной) и въ конторѣ „Прима“ (Нестеровская ул., 29); въ **Одессѣ**—въ кн. маг. С. В. Можаровскаго (Пассажъ) и въ кіоскахъ Е. Е. Свистуновой; въ **Харьковѣ**—въ магазинахъ „Трудъ и Забава“ (Сумская, около драмат. театра) и Дредера (Московск. ул.); въ **Кишиневѣ**—у Д. І. Криммера (Пушкарская д. Шварцмана) и на всѣхъ станціяхъ жел. дор.

Правила редакціи: рукописи, доставленныя безъ обозначенія гонорара, считаются бесплатными. Мелкія рукописи не сохраняются.

Семейный разладъ

драма С. Милонова, Симбирскъ, ц. 75 к.
разрѣшена 8 октября 1904 г.

Вышли изъ печати:

„РАБЫ“, п. въ 4 д. *И. Платона* (близк. пост. Московскаго Новаго театра).
„ЖАРЬ ПТИЦА“, ком.-шутка въ 4 д. *В. О. Трахтенберга* (Новинка театра Корша).
„КРЫЛЬЯ СВЯЗАНЫ“, *И. Потапенко*.
„ВЕСЕННИЙ ПОТОКЪ“, п. въ 4 д. *Косоротова*.

6291

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

5—3

ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

приглашаетъ желающихъ снятъ антрепризу городского театра, срокомъ на 2 зимн. сезона (считая съ 1 сентября 1905 г. по день Великаго Поста и 2-й сезонъ съ 1 сентября 1906 г. по день Великаго Поста). Первый сезонъ—оперу, второй—драму. Для оперы имѣются при городскомъ театрѣ: для 40 оперъ костюмы, декорации, оркестровка и проч. За условіями обращаться въ Управу; заявленія будутъ приниматься до 20 января 1905 года.

С.-Петербургъ, 26 декабря 1904 г.

Въ лѣтописяхъ русскаго театральнаго дѣла давно не было такого сложнаго, запутаннаго и въ то же время необыкновенно характернаго во многихъ отношеніяхъ недоразумѣнія, какъ исторія съ одесскимъ крахомъ гг. Сибирякова и Навроцкаго и залогомъ, потребованнымъ отъ г-жи Лубковской.

Съ нѣкоторыми подробностями этого дѣла читатели знакомы. Залогъ, взятый городомъ, какъ оказалось, обезпечивалъ всѣхъ, кромѣ артистовъ. Казалось бы, что взявъ залогъ въ обезпеченіе исправной антрепризы, городъ долженъ былъ бы изъ своихъ средствъ вознаграждать потерпѣвшихъ. Этого не случилось. Послѣ долгихъ разговоровъ и пререканій съ „субъ-субъ-арендаторомъ“, г. Навроцкимъ, дѣло кое-какъ уладили. Но тутъ исторія вступила въ новый фазисъ. Вслѣдъ за спектаклями прогорѣвшей антрепризы гг. Сибирякова и Навроцкаго, должны были начаться спектакли италіанской оперы, но полицеймейстеръ отказался категорически подписать афишу до внесенія ему г-жей Лубковской, уже на спеціальнѣй предметъ обезпеченія артистовъ, 10,000 р. залога. Театръ еще не открытъ, каждый день приноситъ тысячные убытки, артисты телеграфируютъ въ Петербургъ, ходатайствуя о невзиманіи залога, подобно тому, какъ въ другихъ случаяхъ ходатайствуютъ съ отчаяніемъ о взиманіи его. Все зависитъ отъ обстановки даннаго момента, потому что самое учрежденіе залога, будучи неправомѣрнымъ, въ то же время и экономически одинаково приноситъ театральному дѣлу вредъ, какъ и пользу. Мы неоднократно доказывали, что залогъ, съ одной стороны представляя извѣстное обезпеченіе, съ другой — уменьшаетъ весьма значительно оборотныя средства антрепризы, и тѣмъ ведетъ ее къ краху и къ убыткамъ для актеровъ.

Но объ этомъ разговоръ долженъ быть частный и особый. Возвращаемся къ одесскому случаю. Одесскія газеты посвящаютъ театральному краху цѣлые столбцы: вліяетъ, конечно, и то, что издатель „Одес. Листка“, г. Навроцкій, оказался замѣшаннымъ въ эту исторію, что придавало особую пикантность дѣлу. Пока велись переговоры объ удовлетвореніи артистовъ, одесскія газеты срывали свой гнѣвъ на комъ придется, между прочимъ, на Т. О. Вотъ что, на примѣръ, мы читаемъ въ „Одес. Новостяхъ“:

Это очень любопытная, очень поучительная исторія.

Какъ прославленное Театральное Общество отнеслось къ возмутительному произволу театральнаго предпринимателя въ отношеніи къ первоклассной провинціальной труппѣ, играющей въ большомъ университетскомъ городѣ.

Артисты телеграфируютъ объ этой гнусной исторіи вице-предсѣдатель Театральнаго Общества.

Но г. вице-предсѣдатель даже не удостоиваетъ ихъ отвѣтомъ. Отвѣтъ спустя продолжительное время получился отъ секретаря общества.

И отвѣтъ типично-канцелярскій:

— „Вице-предсѣдатель принялъ мѣры“...

Впослѣдствіи оказалось, что это „принялъ мѣры“ сводилось къ канцелярской отпискѣ, которая, конечно, осталась безъ всякихъ результатовъ...

Вотъ какъ „энергично“ Русское Театральное Общество дѣйствуетъ тамъ, гдѣ попораны права тружениковъ-артистовъ.

Но, собственно, что же могло сдѣлать Театральное Общество? Объявить городъ Одессу въ осадномъ положеніи? Гг. Сибиряковъ и Навроцкій не доплатили денегъ. Одесса, гдѣ въ настоящую минуту было, вѣроятно, очень много банкротствъ, достаточно при-

выкла къ случаямъ неуплаты. Чего же хотятъ „Од. Новости“ отъ Театральнаго Общества? Чтобы ему, вопреки всѣмъ законамъ Россійской Имперіи, было предоставлено право выставлять неисправныхъ пла-тельщиковъ на правезъ и бить ихъ батогами, дондеже не заплатятъ, они или сострадательные къ ихъ мукамъ прохожіе? Неужели „Одес. Новости“, увлеченныя полемикою, не понимаютъ, что взывая къ Театральному Обществу, у котораго нѣтъ и не должно быть никакой власти, они мечтаютъ о какой-то, выходящей за предѣлы всякой законности, управѣ благочинія? Но развѣ мало Одессы собственнѣхъ „управъ благочинія“, и заколоченный *Городской* театръ не достаточно краснорѣчиво говоритъ ихъ сердцу?

Чѣмъ взывать къ Театральному Обществу, которое тутъ не при чемъ, одесскимъ газетамъ слѣдовало бы обратить вниманіе на одесское городское управленіе, считающее *не позорнымъ* для себя, чтобы артисты, играющіе въ *Городскомъ*, т. е. думою сдаваемомъ, театрѣ, не получали причитающагося жалованья. Какое поразительное равнодушіе къ своимъ учреждениямъ! Какое отсутствіе собственнаго достоинства!

Съ другой стороны, мы видимъ въ дѣлѣ г-жи Лубковской, которой не разрѣшаютъ начать спектакли такъ дорого стоящей италіанской оперы, — новое проявленіе „усмотрѣнія“ и произвола. Если такой казусъ, т. е. внезапное требованіе залога, предъ самымъ открытіемъ сезона, возможно по отношенію къ *Городскому* театру въ Одессѣ, то не трудно себѣ представить, какими сюрпризами можно наградить любого антрепренера частнаго театра! Нужно ли обращаться къ примѣрамъ? Надо ли, положимъ, припоминать цѣпь злоключеній, которыя пришлось пережить нижегородскому театру Общества народнѣхъ развлеченій въ прошломъ году? Мы надѣемся скорѣй познакомить читателей съ этой эпопеею *разоренія* во всѣхъ отношеніяхъ полезнаго и достойнаго театральнаго предпріятія...

Говорятъ, что въ 1881 г. графу Лорисъ-Меликову, создавшему издатель для обсужденія необходимыхъ измѣненій въ законоположеніяхъ о печати, М. Е. Салтыковъ задалъ съ самаго начала такой вопросъ: „Будетъ ли, ваше сіятельство, уважаться собственность? Коли не будетъ, такъ и толковать не о чемъ!“ Относительно театральнѣхъ предпріятій не съ меньшимъ правомъ можно спросить: будетъ-ли уважаться собственность? Въ самомъ дѣлѣ, кто и какъ вознаграждаетъ г-жу Лубковскую за имущественный ущербъ, причиненный ей требованіемъ о внесеніи залога въ послѣднюю минуту предъ открытіемъ сезона? Полицеймейстеръ „имѣетъ право“ требовать залогъ, но имѣетъ право также и не требовать. Онъ до сихъ поръ толковалъ циркуляръ такимъ образомъ, а нынче — толкуетъ по иному... По своему, одесскій полицеймейстеръ правъ: онъ полагалъ, что *Городской* театръ находится подъ охраною думы, которая не можетъ допустить скандальныхъ исторій и банкротствъ въ стѣнахъ городскаго учрежденія. Дума взглянула на театръ, какъ смотритъ на сдаваемое въ аренду мѣсто торга, интересуясь лишь тѣмъ, обезпечено-ли исправное внесеніе аренды, и потому полицеймейстеръ счелъ себя вправѣ потребовать залогъ, поднести думѣ горькую пилюлю. Все это, понятно, и въ предѣлахъ той административной путаницы, соперничества и взаимныхъ счетовъ, кото-

ОДОБРЕНО
 26 ДЕКАБРЯ 1904 Г.
 ПЕЧАТНИЦА
 С. ПЕТЕРБУРГЪ

рые составляютъ обычное явленіе въ нашемъ устройствѣ, вполне естественно.

Но... уважается-ли собственность—вотъ вопросъ. Уважается-ли театръ, уважаются-ли артисты, уважается-ли публика?..

Краснорѣчивая, назидательнѣйшая страница...

Нами получено слѣдующее любопытное письмо:

М. г., г. редакторъ. Препровождая при этомъ письмѣ собранную по подпискѣ въ орловской драматической труппѣ г. Крамоллова (г-жи Л. Н. Лярова, Е. В. Недвѣцкая, З. П. Терская, Л. В. Азанчевская, О. М. Ленская, Е. А. Зайцева, В. Л. Казина, М. Х. Волжина и А. П. Томкевичъ; гг. В. А. Крамолловъ, М. Е. Залъсовъ, А. Н. Всеволожскій, А. Н. Каренинъ, В. В. Злобинъ, Г. С. Ермоловъ, Ф. Ф. Холминъ, В. Г. Тамбовскій, В. Н. Тонскій, В. Ф. Путятю, А. А. Васильевъ, В. Н. Федосовъ, Ф. А. Томкевичъ и Г. В. Барскій) сумму 42 р. 30 к. въ пользу оставшихся въ настоящій зимній сезонъ, вследствие пережитыхъ тяжелыхъ событий на Дальнемъ Востоке, безъ заработка сценическихъ дѣятелей, обращаюсь къ Вамъ, м. г., съ покорнѣйшей просьбой дать возможность при посредствѣ Вашего журнала всѣмъ желающимъ придти на помощь этому начинанію.

Отовсюду поступаютъ печальныя извѣстія о крахахъ театральныхъ предпріятій, неплатежахъ, но помимо этого есть очень много лицъ, оставшихся въ этотъ трудный сезонъ безъ ангажемента и неимѣющихъ даже возможности заявить о своемъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи.

Въ настоящее время нужда велика, но что будетъ постомъ, когда исчезнетъ даже надежда на заработокъ?

Театральная Россія велика, и если она откликнется на слѣдующій орловской труппой починъ, — то много сценическихъ дѣятелей будетъ избавлено отъ острой нужды и, даже—голода!

Собранныя такимъ образомъ, черезъ посредство Вашего журнала, суммы было бы всего цѣлесообразнѣе препроводить въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества для образованія средствъ, изъ которыхъ онъ могъ бы выдавать единовременныя, безвозвратныя ссуды всѣмъ нуждающимся въ помощи сценическимъ дѣятелямъ.

Съ почтеніемъ М. Залъсовъ.

ХРОНИКА ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Слухи и вѣсти.

Въ настоящее время болѣе или менѣе опредѣленно выяснился проектъ новаго большаго театра въ Петербургѣ. Составляется товарищество, въ которое входятъ С. Т. Морозовъ, В. Ф. Коммисаржевская, М. Горькій, М. Ф. Андреева, К. Н. Незлобинъ, С. А. Найденовъ и нѣк. др. Основной капиталъ товарищества состоитъ изъ 150,000 р. Кромѣ того, 400,000 р. затрачиваются на перестройку одного изъ домовъ на Бассейной улицѣ въ обширный театръ, съ доступными цѣнами. Театръ будетъ законченъ къ октябрю 1905 г., и тогда же начнутся спектакли. Главнымъ администраторомъ будетъ К. Н. Незлобинъ, а управленіе репертуаромъ будетъ находиться въ завѣдываніи особаго художественнаго Совѣта. Какъ говорятъ, театръ для будущаго сезона, кромѣ новой пьесы М. Горькаго „Дѣти солнца“, располагаетъ пьесой С. А. Найденова „Уздный городъ“, новыми пьесами Л. Андреева, С. Гусева - Оренбургскаго, Курпина и нѣк. др. молодыхъ писателей. Предполагается также выписывать на режиссерскія „гастроли“ К. С. Станиславскаго.

* * *

— 25 декабря, въ 5 час. пополудни, въ дѣтскомъ пріютѣ Т. О. будетъ устроена елка, а въ 8 час. вечера, въ Убѣжищѣ состоится литер.-худож. вечеръ.

— Послѣ новаго года въ Маріинскомъ театрѣ предполагается постановка оперы „Фиделія“, Бехтовена. Въ концѣ января начнутся здѣсь гастроли г-жи Фелии Литвинъ, которая появится у насъ въ вагнеровскомъ репертуарѣ.

— На лѣтній сезонъ въ театръ и садъ „Альгамбра“ режиссеромъ приглашенъ г. Ставскій.

— Въ нынѣшнемъ сезонѣ исполняется 30-лѣтіе службы К. А. Варламова на Александринскомъ театрѣ.

— Артистка Михайловскаго театра Сюзанна Ментъ покинула Петербургъ.

— Общество взаимопомощи оркестровыхъ музыкантовъ, предлагаетъ черезъ свою контору сформированные ансамбли, т. е. камерную музыку, оркестры, а также рекомендуетъ преподавателей и исполнителей на оркестровыхъ инструментахъ.

— А. А. Плещеевъ написалъ одноактную пьесу „Въ первый разъ“, принятую на сцену Малаго театра. Пьеса пойдетъ съ участіемъ г-жи Музиль-Бороздиной и г. Мальскаго.

* * *

Московскія вѣсти.

— Намъ телефонируютъ: Пьеса г. Ярцева „У монастыря“, поставленная въ московскомъ Художественномъ театрѣ 21 декабря, потерпѣла полное фіаско. Послѣ перваго и втораго акта раздавались весьма вялые аплодисменты, послѣ 3 акта (последняго) послышались весьма энергичные протесты и шиканье публики въ отвѣтъ на единичные вызовы автора—явленіе неслыханное въ стѣнахъ московскаго Художественнаго театра. Отзывы печати, появившіеся на слѣдующій день, безъ исключенія отрицательные. Тема разработана блѣдно и вяло; фигуры весьма схематичны и лишены жизненныхъ красокъ. Полное недоумѣніе вызвалъ финалъ пьесы—у автора трагическій, а у публики, вызывавшій смѣхъ. Достоинство—искренность. Сыграна пьеса вяло и манерно. Хорошо былъ лишь г. Качаловъ. Въ общемъ, самый неудачный спектакль за все время существованія театра.

— Директоръ Филармоническаго училища г. Конюсъ оставляетъ свой постъ.

* * *

Въ послѣднихъ числахъ декабря исполнится 40 лѣтъ сценической дѣятельности Аристарха Ивановича Павлова-Дмитровскаго, имя котораго, какъ одного изъ самыхъ добросовѣстныхъ и самаго отзывчиваго къ товарищескимъ нуждамъ театральнаго предпринимателя, до сихъ поръ извѣстно въ провинціи.

Въ 1866 г.—обладая небольшими средствами,—А. И. въ компаніи съ купцомъ Медвѣдниковымъ снялъ театръ въ Рязанѣ и затѣмъ въ продолженіи 25 лѣтъ занимался антрепризой. За этотъ періодъ онъ держалъ: Рязань (два года), Смоленскъ, Орель, Калуга, Витебскъ, Псковъ, Ковна, Минскъ, Гельсингфорсъ (съ субсидіей въ 24 т. финскихъ марокъ), Ревель и Тверь, гдѣ имъ построены лѣтній театръ.

Въ концѣ 90-хъ годовъ А. И. послѣ дебюта былъ принятъ на сцену театровъ Спб. городского попеч. о нар. трезвости.

Въ настоящее время А. И. находится на излеченіи въ клиникѣ Вилліе, числясь на службѣ въ Народномъ Домѣ.

* * *

Балетъ. Бенефисъ балетмейстера А. В. Ширяева, данный ему за 20-ти-лѣтнюю службу, не смотря на высокія цѣны, собралъ полный театръ публики. Главною приманкою было участіе, почти годъ не выступавшей, М. Ф. Кшесинской. Ритмическіе, экспрессивные, полные жизни, апломба и технического блеска танцы М. Ф. Кшесинской какъ бы перенесли зрителя въ прошлое, когда балетъ находился въ расцвѣтѣ и легионъ конторскихъ чиновниковъ не висѣлъ, подобно Дамоклову мечу, надъ труппой. Увы, времена переменчивы, вкусы не постоянны. „Настоящее“ создается *власть* имущими, но не имущими вкуса. Кто могъ бы, напримѣръ, еще въ 90-хъ годахъ допустить, что не пройдетъ и 10 лѣтъ, какъ вся слава того же М. И. Петипа будетъ забыта, и маститому балетмейстеру, благодаря которому полвѣка процвѣталъ русский балетъ, будетъ предпочтенъ любой выхваченный изъ труппы танцовщикъ, хотя-бы въ лицѣ г. Горскаго или г. Ширяева?.. Я глубоко цѣню въ г. Ширяевѣ и его хореографическія таланты, и его педагогическія способности, и его трудъ, и даже то, что, благодаря своему неустанному рвенію, онъ сумѣлъ изъ кордебалетныхъ танцовщиковъ перешагнуть въ ряды первыхъ артистовъ, но все-таки признать въ немъ изобрѣтательнаго балетмейстера-художника, а тѣмъ болѣе замѣстителя М. И. Петипа,—невозможно. Въ немъ нѣтъ полета фантазіи, нѣтъ вкуса, и въ его постановкахъ виденъ лишь трудолюбивый ремесленникъ, очевидно, болѣе пристрастный къ характернымъ раз. чѣмъ понимающій классическія. Опала на М. И. Петипа на столько велика, что даже старая его постановка подтверждается новѣйшей „переработкѣ“, чему грустнымъ доказательствомъ можетъ служить хотя бы оп. „Русланъ и Людмила“, въ которой всѣ танцы, во главѣ съ боевой когда-то лезгинкой, замѣнены новыми поставленными тѣмъ-же г. Ширяевымъ, и, кстати сказать, не имѣющими и тѣни прежняго успѣха (особенно лезгинка съ г-жею Павловой 2-ю и г. Андриановымъ, замѣстившими г-жу Петипа и г. Бекефи). Многие, многое можно было бы сказать о распорядкахъ гг. чиновниковъ въ нашей балетной труппѣ, но этотъ назрѣвшій вопросъ я отложу до ближайшаго будущаго, а пока перейду къ бенефисному спектаклю.

Программа бенефиснаго спектакля состояла изъ одноактнаго бал. „На перепутьи“, дивертисмента и 2-хъ картинъ изъ бал. „Брама“.

Балетъ „На перепутьи“, съ музыкою Армсгеймера, не богатъ сюжетомъ. Это просто рядъ нагроможденныхъ, безъ всякаго смысла и логической связи, танцевъ, не представляющихъ по композиціи рисунка рѣшительно ничего новаго. Характерныя танцы поставлены по шаблону, не оригинальны и мало картинны, а въ классическихъ (которыхъ, кстати сказать, очень мало) мало фантазіи, поэзіи и изобрѣтательности въ вариацияхъ. Музыка бѣдна мелодіей, безцвѣтно инструментована и во всякомъ случаѣ, уступаетъ музыкѣ бал. „Привалъ кавалеріи“ того же композитора. Публика аплодировала за *adagio* г-жѣ Трефиловой, г-жѣ Чумаковой, съ *brío* протанцовавшей съ

г. Монаховым танталеллу, г-жѣ Павловой 2-ой за danse esrapole, г-жѣ Рутковской, лихо пронесшейся въ пейзажной мазуркѣ съ г. Кшесинским 2-мъ, но наибольшій успѣхъ выпалъ на долю самого бенефицианта г. Ширяева, дважды и съ большимъ техническимъ мастерствомъ исполнившаго матроскій танецъ. Этотъ успѣхъ, благодаря его легкимъ технически выработаннымъ танцамъ, былъ бенефициантомъ вполне заслуженъ.

Дивертисментъ состоялъ изъ одряхлѣвшихъ расу, набранныхъ изъ заграничныхъ архивныхъ балетовъ, и потому долго останавливаться на немъ не приходится. Скажу одно, что изъ всѣхъ №№ болѣе всего восторговъ публики вызвала пляска шута изъ бал. „Млада“, въ которой, въ трудномъ, смѣломъ и даже рискованномъ рас, г. Ширяевъ, по выраженію моего сосѣда по креслу, показывалъ „чудеса техники“. Всмотриваясь въ программу этого дивертисмента, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели же бенефициантъ г. Ширяевъ, состоящій нынѣ во главѣ труппы въ качествѣ *балетмейстера*, не могъ даже для дня своего юбилейнаго торжества поставить хотя нѣсколько новыхъ своего творчества расъ? Неужели же его муза на столько оскудѣла, что онъ самъ, балетмейстеръ, надергалъ всевозможныя рас изъ чужихъ балетовъ?

Въ заключеніе спектакля были поставлены двѣ картины изъ бал. „Брама“, въ которомъ, въ роли жрицы Падманы, выступила г-жа Кшесинская. О приемѣ и о танцахъ г-жи Кшесинской я уже упомянулъ выше, а о мимическихъ сценахъ скажу одно, что и въ нихъ артистка имѣла вполне приличный успѣхъ. Конечно, кто помнить въ 80-десятыхъ годахъ въ этомъ балетѣ В. Цукки, тотъ врядъ-ли отдастъ предпочтеніе г-жѣ Кшесинской. Но тѣмъ не менѣе мимико-патетическія сцены артисткою были проведены съ воодушевленіемъ и выразительностью. Изъ другихъ исполнителей этого балета отмѣчу г-жу Карсавину и Н. Г. Легата, великолѣпно протанцовываго и сыгравшаго невольника Меда.

Послѣ дивертисмента состоялось шаблонное чествованіе бенефицианта, при чемъ „безъ дальнихъ словъ и громкихъ фразъ“ г. Ширяеву было вручено до 10 цѣнныхъ подарковъ. Въ общемъ, публика спектаклемъ, видимо, осталась довольна, а г. Ширяевъ несомнѣнно еще болѣе...
H. Ф.—.

* * *

Александринскій театръ. Пьеса г. Потапенки „Крылья связаны“ должна ударить по сердцамъ... Въ ней нѣтъ лукавыхъ мудрствованій, нѣтъ философскихъ тезисъ. Она не сложна, проста въ своихъ контурахъ. Но она близка намъ жизненностью темы, представляетъ кусочекъ бытія многихъ изъ насъ. И поэтому чисто эгонистическое чувство зрителя вызываетъ съ тѣмъ, что происходитъ на сценѣ, зритель видитъ частицу себя самого, начинаетъ плакать о самомъ себѣ. Въ этомъ залогъ яркости впечатлѣнія и залогъ успѣха.

Я не намѣренъ рассказывать содержанія пьесы, и очень радуюсь этому. Нѣтъ ничего хуже, какъ излагать интересную литературную вещь своими словами. „Свои слова“ занимаютъ обыкновенно много мѣста и когда кончишь ихъ, видишь, что къ критикѣ собственно еще не приступалъ, а пора уже ставить точку, потому что одинъ пересказъ содержанія занялъ собою почти полностью тотъ столбецъ, который предоставленъ къ твоимъ услугамъ. Пьеса г. Потапенки будетъ напечатана въ нашемъ журналѣ, да я думаю, что каждый русскій театралъ увидитъ ее на сценѣ—ибо не сомнѣваюсь, что „Крылья связаны“ сдѣлаются пьесой репертуарной.

Отмѣчу нѣкоторыя особенности пьесы. Реализмъ ея, простота изложенія выгодно выдѣляются на фонѣ современной драматической изощренности. Напримѣръ, нѣкоторое внѣшнее совпаденіе можно усмотрѣть въ пьесѣ г. Потапенки съ пьесой г. Фальковского „Пробужденіе“, которая въ прошломъ году была поставлена на сценѣ Малаго театра. Тамъ почтенный, популярный писатель, разочаровавшійся во всемъ имъ написанномъ, сразу рѣшается начать иную жизнь. Онъ дѣлаетъ собственно то же самое, что профессоръ Лагодина: сокращаетъ свои расходы, заставляетъ семью измѣнить роскошный образъ жизни; и тамъ со стороны семьи такіе же протесты, такое же негодованіе. Но посмотрите, куда, въ исканіи идейныхъ парадоксовъ направляетъ своего героя г. Фальковский; онъ ведетъ писателя „на свободу“, дѣлаетъ его... крючникомъ на волжскомъ пароходѣ. Вотъ какъ далеко отъ жизни ударила авторская спираль мысли! У г. Потапенко профессоръ Лагодина не ушелъ никуда ни отъ семьи, ни отъ себя. Онъ продолжаетъ тащить ту тачку жизни, въ которую вперегя жить можетъ добровольно, но изъ которой ужъ никогда не освободится.

А. Р. Кугель находитъ (см. его „Театральныя Замѣтки въ № 51-мъ“), что авторъ могъ бы повести Лагодина по стезѣ трагедіи, показать его обезсилѣвшимъ, уже не способнымъ трудиться, и такой печальной апопеезъ „семейной рабочей машины“ долженъ былъ бы больнѣе ударить по струнамъ сердца... Я думаю, что нѣтъ. Я думаю, что чѣмъ пьеса больше въ стилѣ обыденной комедіи—тѣмъ она трагичнѣе. Вѣдь далеко не всѣ „семейныя машины“ дѣлаются неработоспособными. Большинство до самой своей смерти исправно выбрасываютъ червонцы, необходимые для обычнаго trainé'a. Зритель такъ и подумаетъ,

что авторъ показываетъ ему единичный случай, и что это его собственно мало касается. Ужасъ именно въ томъ, что при самыхъ лучшихъ условіяхъ и безъ всякихъ трагическихъ кондовъ, человекъ перестаетъ быть человекомъ, совершенно утрачиваетъ возможность личной жизни, становится только мѣняльной машиной, превращающей трудъ въ золото... Эта широкая картина общей убиты души должна дѣйствовать сильнѣе трагическаго конца ея...

Въ большинствѣ рецензій было указано на то, что семья превратила талантливаго профессора Лагодина въ машину, и что только ради семьи онъ, едва успѣвъ расправить крылья, снова сложилъ ихъ, снова превратился въ чернорабочаго. Правда, у автора подчеркнута именно эта мысль, въ дѣйствительности—далеко не всегда такъ. Если ради семьи начинается эта бѣшеная гоньба за заработкомъ, то продолжается и вновь возобновляется она не только для семьи. Незамѣтнымъ былъ комфортъ жизни для кипящаго въ котлѣ жизни Лагодина. Но повѣрьте, отсутствіе привычныхъ удобствъ онъ бы почувствовалъ. Къ прекрасному кабинету онъ привыкъ, къ качающимся рессорамъ кареты тоже; въ греческую кухмистерскую, какъ его братъ статистикъ, онъ, конечно, не пошелъ бы... И вовсе не было необходимости въ такихъ жестокихъ циничныхъ дѣтяхъ, въ такой неумолимо требовательной женѣ, чтобы восплаившій къ небесамъ Лагодина, самъ вновь вернулся на землю. Въ жизни это иногда дѣлается гораздо проще и мягче... Самое превращеніе свободнаго человека въ чернорабочаго совершается тоже постепенно, незамѣтно. Я какъ разъ знаю многихъ врачей и профессоровъ практикантовъ въ стилѣ Лагодина. Начинается съ небольшихъ приемовъ... Но если принять десять пациентовъ, почему не принять одиннадцатого?.. А когда цифра доходить до двадцати—почему не согласиться осмотрѣть двадцать перваго?.. Такъ, полегоньку, мягко, но прочно, затягивается петля...

Къ недостаткамъ пьесы г. Потапенки слѣдуетъ отнести техническое несоотвѣтствіе частей: мѣстами дѣйствіе излишне расфранто, мѣстами обрывается слишкомъ быстро, мѣстами идутъ повторенія стараго... Такъ, въ началѣ пьесы многогрѣчивое объясненіе между дочерью Лагодина, Надеей, и претендентами на ея руку навѣваетъ только скуку, и можетъ быть сокращено на добрую половину; финалъ третьяго дѣйствія— послѣ объясненія Лагодина съ женой, необычайно кратокъ; между тѣмъ тутъ должно быть дано объясненіе тому, почему Лагодина рѣшается вернуться на прежній путь чернорабочаго прозябанія; прощальныя рѣчи Ксеніи Радичъ въ четвертомъ дѣйствіи, повторяютъ многое изъ того, что она говорила уже во второмъ...

Исполнили пьесу г. Потапенки въ общемъ весьма стройно. Г. Далматовъ (профессоръ Лагодина) далъ интересное общее, интересные детали и интересный гримъ (удачное воспроизведеніе типичной головы профессора-физиолога г. Тарханова). Образъ надломленнаго, изжелта-блѣднаго, поспѣваго крапавца, живущаго по часамъ, затравленнаго докучною работой—надолго останется въ памяти зрителя. Прекрасно грозное ведетъ объясненіе съ семьей (3-е дѣйствіе) этотъ орелъ, вновь расправившій крылья, и до боли жалокъ его пассивный тонъ (въ 4-мъ дѣйствіи), когда всѣ надежды разбились навсегда... Г-жа Савина, какъ всегда, безподобно передаетъ массу мелкихъ чертъ жизни, и изъ этихъ мелочей слагаетъ сиротливый образъ когда-то во многое вѣрившей и теперь уже извѣрившей земской труженицы-женщины-врача Ксеніи Радичъ... Съ обычнымъ мастерствомъ г. Петровский „переволотился“ въ оригинальнаго, полнаго бодрой жизни статистика Антона Лагодина. Приятное дополненіе къ этимъ главнымъ исполнителямъ дали г-жи Пушкарева, Стравинская, Домашева; г.г. Петровъ, Лукашевичъ. Декоративно-аксессуарная постановка г. Санина даетъ полную, совершенно реальную иллюзію комфорта и уютности. Пьеса имѣла безспорный успѣхъ; автора много разъ вызывали.

Импрессионистъ.

* * *

Новый театръ. Помните у Ибсена: когда Гельмеръ говоритъ Норѣ: ты прежде мать,—она отвѣчаетъ: нѣтъ, я прежде всего человекъ. Иначе думаетъ г. В. Михеевъ, пьеса котораго— „Отцы и матери“ („Мать“)—была поставлена на дняхъ въ театрѣ г-жи Яворской. По его мнѣнію, самое важное въ жизни женщины—ребенокъ. Во имя ребенка мать, если нужно, должна поступиться всѣмъ: мужемъ, своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, своими родителями. Въ доказательство этой мысли г. Михеевъ рассказываетъ слѣдующую запутанную исторію.

Писатель и бывшій профессоръ Торопцовъ въ свои юношескіе годы сошелся съ кухаркой Акүлиной и „прижилъ“ съ ней дочь, Вѣру. Впоследствии, когда онъ женился на нѣкоей истеричной особѣ, Еленѣ Павловнѣ, онъ „усыновилъ“ Вѣру. Кромѣ Вѣры, есть у Торопцева и еще одна дочь—отъ Елены Павловны—Людмила. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: Елена Павловна ревновала мужа къ незаконной дочери, ей казалось, что незаконно онъ больше любитъ, чѣмъ законную; Торопцовъ съ своей стороны подозрѣвалъ Елену Павловну въ томъ, что она недостаточно внимательно относится къ Вѣрѣ. Въ результатъ получилось то, что Вѣра росла

одинокой и рано почувствовала это одиночество и тоску по живой душѣ, которая ей была бы близка. Подъ влияніемъ этого чувства она—только влюбленная, но не любящая—уходитъ къ бездушному цинику Нешумову. Елена Павловна и Горюцковъ въ отчаяніи: они чувствуютъ, что повинны въ паденіи Вѣры, ибо недостаточно внимательно отнеслись къ ея воспитанію. Вѣра, конечно, охладѣваетъ къ Нешумову, бросаетъ его и идетъ къ своей настоящей матери—Акулинѣ. Но та, узнавъ, что Нешумовъ хочетъ жениться на Вѣрѣ, прогоняетъ ее. И вотъ Вѣра выходитъ не только за нелюбимаго, но даже презираемаго человѣка. Спустя нѣкоторое время, она уходитъ отъ него, и затѣмъ у нея рождается ребенокъ. Чувство отца переродило Нешумова. Но Вѣра неумолима: она желаетъ изъ своего ребенка сдѣлать настоящаго человѣка и ради этого жертвуетъ мужемъ. Казалось-бы, достаточно для основной мысли пьесы. Но г. Михеевъ идетъ дальше: Вѣра умираетъ отъ порока сердца и передъ смертью „въ ея глазахъ“ Нешумовъ прочиталъ, что „самое важное на землѣ—мать“.

Вы думаете, это все?.. Нѣтъ, г. Михеевъ пытается въ своей пьесѣ дать и еще нѣсколько положеній. Такъ, онъ довольно упорно старается доказать едва-ли новую мысль, что между родителями и дѣтьми неминуемъ разладъ, раздѣлъ между ними нѣтъ духовной связи. Вполнѣ соглашаемся съ г. Михеевымъ, что и Елена Павловна и Акулина—не идеальныя матери, но сдвали изъ-за этого стоило писать пьесу, мѣстами неясную, растянутую и кое-гдѣ ударяющуюся въ мелодраматизмъ.

Исполняется пьеса недурно. Заслуживаютъ похвалы г-жи Арнольди—Елена Павловна и Строгова—Акулина. Прекрасный Топорцовъ—г. Горевъ. Г. Мурскову, справляющему въ этотъ вечеръ (15 декабря) двадцатилѣтіе сценической дѣятельности, роль Нешумова не совсѣмъ удалась. Впрочемъ, за день до спектакля г. Мурскій похоронилъ свою жену.

Было еще странно видѣть г-жу Арнольди въ роли матери или хотя-бы мачехи такого „взрослаго ребенка“ какъ г-жа Яворская.—Вѣра. А впрочемъ, въ нашъ вѣкъ вундеркиндовъ...

И.

* * *

Театръ „Комедія“. Въ воскресенье 19 декабря представлены были „Игра любви и случая“ трехактная комедія Мариво и старый водевиль Куликова „Которая изъ двухъ“. Въ послѣдней бездѣлушкѣ очень мило и интересенъ былъ г. Горевъ. Что касается комедіи Мариво, то использованный давно приѣмъ взаимнаго переодѣванія господъ и слугъ, на которомъ построена пьеса, слишкомъ наивенъ для современнаго зрителя. Здѣсь нельзя не отмѣтить г-жу Арнольди, г. Діевскаго, Кремлевскаго и Шмита, сильно выдѣлявшихся среди остальныхъ, отличавшихся полной неопытностью исполнителей. Сборъ былъ выше средняго.

* * *

Музыкальныя замѣтки.

Оркестровыя собранія „Музыкальныхъ Новостей“, устраиваемыя придворнымъ оркестромъ, слѣдуетъ приветствовать въ особенности, если вспомнить, какая рутина, какое однообразіе царятъ у насъ въ этой области. 5 декабря состоялось 12-ое такое собраніе, а въ настоящемъ сезонѣ первое.

Программа на этотъ разъ сплошь была посвящена нѣмецкимъ авторамъ. Всѣ произведенія кромѣ, сюиты (D—Dur) Баха, глубокая музыка которой обладаетъ чудесной способностью не старѣться, исполнялись впервые.

Симфонія D—Dur Эдуарда Лассена, извѣстнаго, главнымъ образомъ, по его многочисленнымъ романсамъ, была выбрана, вѣроятно, по случаю недавней смерти композитора въ февралѣ этого года. Сама же по себѣ она ничего выдающагося не представляетъ. Лассенъ—не крупная музыкальная индивидуальность. Въ симфоніи ясны влияния Роберта Шумана и въ особенности Мендельсона. Кромѣ того симфонія страдаетъ длиннотами.

Гораздо интереснѣе вступленіе къ оперѣ „Der Klosterschüler von Mildenfurth“ Карла Клемана, полное искренняго настроенія и недурно оркестрованное, но тоже страдающее растянутостью формы. Жалко, что въ программѣ собранія ничего не было сообщено о содержаніи самой оперы, а это помогло бы слушателямъ разобраться въ музыкѣ вступленія къ оперѣ, несомнѣнно имѣющаго програмный характеръ.

Наиболѣе глубокомысленной изъ всѣхъ „новинокъ“ оказалась симфоническая поэма „Des Meeres und der Liebe Wellen“ Иосифа Кругъ-Вальдее, написанная на сюжетъ древне-греческаго сказанія о любви Геро—жрицы Афродиты къ юношѣ Ландру, который долженъ былъ каждый разъ переплывать Геллеспонтъ, чтобы видѣть свою возлюбленную, и наконецъ погибъ въ морѣ во время бури.

Музыка сплошь интересна въ гармоническомъ отношеніи, оркестровка звучна и колоритна. Описательная сторона въ ней преобладаетъ. Лирическая же оставляетъ желать многого. Въ ней нѣтъ яркости и теплоты.

Дирижировали гг. Флиге и Варлихъ достаточно корректно. Большіхъ нюансовъ нельзя и требовать при чтеніи чуть не съ листа неизвѣстныхъ сочиненій.

Досадно, что зала длинная и узкая много портитъ впечатлѣнія своей невозможной акустикой. Оркестровыя звучности смѣшиваются и подавляются, кажутся грубыми, переходящими въ шумъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ желать продолженія этихъ собраній. Пожелаемъ также, чтобы они были многолюднѣе.

Устроенный съ благотворительной цѣлью въ залѣ Дворянскаго Собранія (12 дек.) концертъ изъ произведеній г. Блейхмана не прибавилъ, думаемъ, ничего новаго къ сложившемуся мнѣнію объ этомъ композиторѣ. Въ первый разъ были исполнены: „Князь Михайло Репнинъ“ съ соло-баритономъ (г. Шароновъ), мужскимъ хоромъ и оркестромъ, вещь не лишняя нѣкотораго подъема и заботы близко иллюстрировать текстъ—но и только, затѣмъ до крайности слабые Valse и Sèrenade и Danse espagnole—для скрипки въ добросовѣстномъ исполненіи г. Безекирскаго, наконецъ романсы на текстъ г. Раггауза—„Я не могу идти съ тобою рядомъ“, „Опять весна“ и „Ты сорвала цвѣтокъ“, ничѣмъ не отличающіеся отъ прежнихъ скучно-банальныхъ, но часто благодарныхъ для пѣвцовъ романсовъ того же автора.

Отдѣльно слѣдуетъ поставить исполненную въ первый разъ оперу—легенду „Свѣточъ христіанства“ съ сюжетомъ заимствованнымъ у К. Р. („Севастьянъ Мученикъ“). Въ двухъ картинахъ этой оперы можно отыскать сравнительно не дурную музыку напр. оркестровое начало первой картины: „въ храмѣ Венеры“, танцы жрицъ, рѣчи Севастьяна о Христѣ, fuga въ концѣ второй сцены, когда пророчество Севастьяна охватываетъ толпу. Звучность оркестра и хора довольно сочная. Въ общемъ же все-таки получается блѣдное впечатлѣніе. Ничего истинно индивидуальнаго, характернаго. Въ мелодическихъ образахъ часто дурной вкусъ. Кромѣ того, какъ намъ кажется, музыка оперы производитъ монотонное впечатлѣніе благодаря ритмическому однообразію. Исполненіе оперы г-жей Будкевичъ и гг. Морскимъ, Шароновымъ съ участіемъ хора Архангельскаго было вполнѣ приличное.

Г. Тимофеевъ.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Владивназъ. Торжественное празднованіе 25-лѣтняго юбилея сценической дѣятельности Г. К. Невскаго состоится 30 декабря.

Гельсингфорсъ. Зима. Антреприза И. А. Панормова-Сокольскаго. Составъ труппы: г-жи Алексѣева, Ангарова, Истомина, Лавровская, Орлова, Писарева, Ратмирова, Стравинская, Стругина; гг. Арсеньевъ, Бѣляевъ, Волковъ, Дара-Владиміровъ, Дриго-Ратмировъ, Дубравинъ, Зарницынъ, Кларинъ, Панормовъ Сокольскій, Чарскій. Режиссеръ Дриго-Ратмировъ. Помощникъ Дмитріевъ. Суфлеръ Папіано. Сборъ на кругъ по 600 марокъ. За это время прошли пьесы: „Казнь“, „Миссъ Гоббсъ“, „Въ старые годы“, „Нищія духомъ“, „Нюбея“, „Теща алкоголика“, „Въ бѣгахъ“, „Отелло“, „Трильби“, „Вишневый садъ“, „Отецъ“, „Кинъ“, „Любовь и предрасудокъ“, „Волки и овцы“, „Заза“ и „Катюша Маслова“ (Арбенина).

Ивановъ-Вознесенскъ. На время Рождественскихъ праздниковъ здѣсь будетъ играть оперная труппа Н. М. Бориславскаго.

Казань. „Волжск. Листъ“ поторопился обвинить г. Найденова въ своекорыстіи и въ желаніи выжать побольше денегъ изъ своей пьесы „Авдотьяна жизнь“.

„Передавали, пишетъ газета, что къ нему обращаются со всѣхъ сторонъ съ прссьбой дать „Авдотьюну жизнь“ для провинціи, но на всѣ эти просьбы онъ отвѣчаетъ отказомъ. Человѣкъ, можно сказать, отказывается отъ цѣлаго состоянія, потому что иные антрепренеры предлагаютъ ему небывало выгодныя условія: десять процентовъ со сбора. Въ чемъ тутъ секретъ? Думается, угадать его не трудно. Очевидно, въ посту, или весной, предстоитъ „турнэ“ г-жи Коммисаржевской по провинціи и она повезетъ съ собой найденовскую пьесу“.

Керчь. Дѣла драматической труппы О. П. Лавровской очень печальны, сезонъ закончится съ большимъ дефицитомъ. Пробовала г-жа Лавровская ставить по два спектакля въ день за одну плату, но и это не помогло.

Кіевъ. Расквартированіе войскъ по театрамъ. Въ гор. театрѣ отведено помѣщеніе для солдатъ на 65 чел. Они размѣщены будутъ въ подвалѣ и въ залѣ для спѣвока хора. Въ контрактномъ домѣ находится 8 ротъ солдатъ. Для 250 нижнихъ чиновъ, для помѣщенія которыхъ предназначался театръ „Соловцовъ“, Л. И. Вродскій отвелъ одинъ изъ своихъ домовъ.

— Намъ пишутъ: Въ Кіевѣ съ большимъ успѣхомъ концертировалъ скрипачъ Ярославъ Коціанъ.

— Цезарь Кюи, прибылъ сюда для присутствованія при постановкѣ „Кавказскаго плѣнника“. Заглавную партію будетъ пѣть г. Боначичъ.

— М. М. Бородай, въ виду успѣха, возобновляетъ контрактъ съ М. А. Дубровской на будущей сезонъ. Въ Кіевъ возвратилась изъ Каменецъ-Подольска меццо-сопрано Б. М. Лазарева, оставившая труппу послѣ какого-то инцидента. Г-жа Бронская поставила въ бенефисъ „Севильскаго цирюльника“. Спектакль прошелъ очень удачно, бенефициантка получила 18 подношений, въ томъ числѣ—два адреса отъ студентовъ и политехниковъ. Малороссы въ театрѣ „Вергонье“, съ большой торжественностью, отпраздновали 35 лѣтній юбилей украинскаго писателя Нечуй-Левицкаго. Шла его комедія „За двумя зайцами“... Особенно выдѣлилось даровитое „тріо“ г.г. Садовскій, Саксаганскій и Карпенко-Карый.

— Въ театрѣ общества грамотности гастролируетъ въ настоящее время извѣстный провинціальный артистъ—г. Галицкій.

— На первое представленіе „Дачниковъ“ въ театрѣ „Соловцовъ“ всѣ билеты уже распроданы.

— Директоръ гостиницы „Континенталь“ г. Лаказъ вводитъ въ отелѣ новостъ. При конторѣ будетъ устроено „театральное бюро“, гдѣ прїѣзжіе могутъ покупать билеты во всѣ кіевскіе театры. Кассирша по телефону узнаетъ номеръ мѣста или ложи, и по полученіи денегъ, выдаетъ соотвѣтственный талонъ.

— Дѣла мѣстнаго цирковаго импрессаріо г. Крутикова очень плачевны. Зданіе вмѣщаетъ болѣе 1.200 р., а сборы бываютъ по 50—60 руб.

Одесса. Газетные столбцы все еще полны разоблаченіями относительно краха Сибиряковаго труппы. Очень страстное письмо въ редакцію помѣстила г-жа Пасхалова.

„Мы предлагаемъ г. Навроцкому—пишетъ г-жа Пасхалова,—если есть въ немъ какое-нибудь чувство чести и совѣсти, дать свое объясненіе обществу. Мы предлагаемъ ему какой угодно третейскій судъ, и онъ долженъ принять этотъ вызовъ. Если же онъ откажется, намъ остается одно—назвать его всенародно, на всю Россію, тѣмъ именемъ, которое онъ заслужилъ всей этой возмутительной исторіей съ артистами.“

Въ томъ же № „Од. Нов.“ находимъ вынужденное объясненіе г. Навроцкаго

„Спасая дѣло и семью Сибирякова, я подвергаю опасности свою семью, въ огражденіе чего взялъ въ аренду театръ Сибирякова. Почему всѣ думаютъ, что, передавъ г. Сибирякову болѣе 100,000 р. наличными деньгами и поручившись за него на сумму свыше 180,000 р., я долженъ всю жизнь платить за него?“

Обращались къ уполномоченному Т. О. г. Ландесману, который отвѣтилъ:

„Несомнѣнно, что въ предѣлахъ устава обществомъ сдѣлано и (будетъ еще сдѣлано) все отъ него зависящее.“

— А. А. Церетелли предложилъ М. М. Лубковской держатъ Великимъ постомъ вмѣстѣ съ нимъ въ Городскомъ театрѣ на товарищескихъ началахъ русскую оперу.

— 16 декабря въ Одессѣ скончался старѣйшій изъ артистовъ италіанской оперы г. Урбанъ, отецъ режиссера италіанской оперы Ф. О. Урбана. Покойный Урбанъ выступалъ въ басовыхъ партіяхъ, между прочимъ въ Одессѣ, въ сгорѣвшемъ гор. театрѣ. Онъ былъ пѣвцомъ старой школы и пользовался, какъ артистъ, успѣхомъ.

— Крахъ Сибиряковской антрепризы, какъ у насъ сообщалось, имѣлъ ближайшимъ послѣдствіемъ затребованіе полицеймейстеромъ отъ г-жи Лубковской залога въ 10,000 руб. Театральная коммисія и гор. управа, удостовѣряя кредитоспособность г-жи Лубковской, ходатайствовали объ отмѣнѣ этого требованія, но г. полицеймейстеръ отказалъ. Отправлена телеграмма министру. Не касаясь законности этого требованія, г-жа Лубковская указываетъ въ телеграммѣ, что она считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія, что кромѣ 50 иностранцевъ артистовъ, группа русскихъ тружениковъ (до 150 чел.) съ ихъ семьями будетъ лишена обезпеченнаго на зиму насущнаго заработка и очутятся въ безвыходномъ положеніи. Два дня потеряны. Ежедневный убытокъ, какъ сообщается въ телеграммѣ,—2,500 руб. Какъ передаютъ газеты, предстоитъ процессъ. Послана телеграмма также г. министру отъ имени хора, служебнаго персонала. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, дума постановила внести залогъ за г-жу Лубковскую отъ имени города.

Рига. Въ предстоящемъ великомъ посту, въ теченіе второй и третьей недѣль, въ русскомъ театрѣ будетъ играть русская оперная труппа. Если оперные спектакли принесутъ убытокъ, то во вторую половину предстоящаго великаго поста будутъ даваться драматическіе спектакли. Г. Незлобинъ предполагаетъ взять антрепризу и на предстоящій годъ.

Самара. Какъ у насъ уже сообщалось, городской театръ на новое трехлѣтіе сданы А. А. Линтвареву. Въ договорное условіе съ г. Линтваревымъ включенъ, по предложенію самого г. Линтварева, слѣдующій пунктъ:

„Если дума признаетъ веденіе театральнаго дѣла Линтваревымъ неудовлетворительнымъ и не соотвѣтствующимъ потребности и желаніямъ самарской публики, то договоръ съ Линтваревымъ можетъ быть уничтоженъ по истеченіи каждого года съ обязательствомъ заявленія ему объ этомъ не позднѣе 1-го декабря, а залогъ въ видѣ неустойки поступаетъ въ пользу города.“

Г. Линтваревымъ представленъ въ Управу списокъ пригла-

шенныхъ имъ артистовъ: Велизарій, Н. Л. Смирнова, Чаруская, Писарева, Агарева, Аблова, Шуваловъ, Вадимовъ, Аяровъ и Галицкій.

Саратовъ. Труппа г. Долинова открыла въ театрѣ Очкина спектакли „Сказкой“ Шницлера. Отзвы газетъ хвалебные. Спектакль прошелъ при почти пустомъ зрительномъ залѣ. Вторымъ спектаклемъ шли „Дѣти Ванюшина“.

Харбинь. Вторая гастроль г. Дальскаго состоялась въ „Кинѣ“. Послѣдніе спектакли его уже не дѣлаютъ полныхъ сборовъ, благодаря „бѣшеннымъ цѣнамъ“.

Харьковъ. А. Н. Крамолловъ обратился къ городскому головѣ съ предложеніемъ взять въ аренду городской театръ на условіяхъ контракта съ А. Н. Дюковой, причѣмъ при подписаніи контракта онъ вноситъ 5,000 руб. залога, предоставляетъ городу право контроля художественной стороны его антрепризы, т. е. надзоръ за качествомъ репертуара и состава исполнителей, для чего городъ избираетъ изъ среды гласныхъ думъ театральную коммисію. Срокъ аренды не менѣе шести лѣтъ. Заявленіе А. М. Крамоллова будетъ доложено думѣ.

— Артистъ Дюковской труппы г. Волоховъ съ начала текущаго сезона серьезно заболѣлъ, и вынужденъ былъ отпра- виться для леченія въ Швейцарію. Какъ слышно, въ его здоровьѣ наступило улучшеніе.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Опять двѣнадцать кандидатовъ на одинъ театръ.

Только что покончили съ осадой городского театра въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ приступили къ осадѣ городского театра въ Самарѣ.

Осадную армію антрепренеровъ составляли П. П. Струйскій, Соболевскій—Самаринъ изъ Казани и Саратовъ, Кравченко изъ Перми, Вронченко—Левицкій, Неволіна изъ Владикавказъ, Красовъ изъ Петербурга, Рудневъ изъ Новгорода, Никулинъ изъ Оренбурга, Каширинъ изъ Красноярска, Линтваревъ изъ Воронежъ и Кручининъ изъ Баку. Всѣ въ приятномъ ожиданіи сдачи театра, закидали самарскую городскую управу телеграммами: кто пишетъ о труппѣ, кто — о репертуарѣ, кто—объ отогпленіи театра за городской счетъ.

Управа же мечтаетъ объ одномъ:

— „Какъ бы сохранить за собою вѣшалку“.

И репертуаръ и труппа—пустяки. А вотъ вѣшалка—это истинное счастье для городского управления. Можно подумать, что театръ сдастъ не городъ, а буфетчикъ изъ вѣшалщиковъ или вѣшалщикъ изъ буфетчиковъ.

Городскимъ управленіямъ слѣдовало-бы отказаться отъ принципа созидать благополучіе драматическаго искусства на числѣ снятыхъ калoszъ и выпитыхъ рюмокъ.

*** Верхъ режиссерскаго символизма. Въ рижскихъ газетахъ читаемъ о постановкѣ „Авдотьиной жизни“. Въ послѣднемъ актѣ Картинкинъ, какъ извѣстно, стрѣляется. Въ самомъ театрѣ—пишетъ г. Виноклъ,—режиссеръ обставилъ этотъ выстрѣлъ символически. Картинкинъ падаетъ отъ выстрѣла на „каменные устои“ „купчишкина“ дома и разрушаетъ (!!) кирпичи“.

Какую голову надо имѣть, чтобы „разрушить“ кирпичи! Поэтъ (Картинкинъ—поэтъ), разрушающій головою каменные устои! А такъ какъ Картинкинъ стрѣляется въ комнатѣ, то, очевидно, нужно было головой еще проломить и стѣну. Не голова, а бронебойный снарядъ 14 дюймового орудія.

Мы говоримъ о Картинкинѣ. У режиссера же голова просто съ большою „фантазією“.

*** Отъ поэта вымышленнаго къ поэту дѣйствительному—Б. А. Мазуркевичу. Г. Мазуркевичъ, довольно извѣстный поэтъ, посвятилъ себя сценѣ, и поступилъ на роли комиковъ и про- стаковъ въ театръ г-жи Яворской, гдѣ и выступаетъ подъ фамилію Мазонскій. Исполненіе предсказаніе о томъ, что г. Воборыкинъ будетъ играть Офелію!..

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

„М. г.! Въ южныхъ газетахъ („Одес. Новостяхъ“, „Харьк. Листкѣ“ и др.) я встрѣтилъ горячія статьи, посвященныя участію кишиневской труппы г. Петросьяна, вмѣстѣ съ антрепренеромъ, въ „Нашихъ вечерахъ“, которая устраивалъ беззвѣстный г. Крушеванъ.“

„Только правильная корпоративная организація,—пишетъ г. Епифанскій въ „Харьк. Листкѣ“—можетъ избавить актерскую, да и всякую среду отъ позорящихъ искусство, отъ позорящихъ русское общество „собратьевъ“. Пора артистамъ оглянуться на самихъ себя и понять свои обязанности.“

Другая кишиневская газета — „Бессараб. Жизнь“—прекратила печатаніе рецензій о кишиневскомъ театрѣ: „Театръ,—читаемъ мы въ ней—преслѣдующій крушевановскія задачи, ничего общаго съ искусствомъ не имѣетъ и имѣть не можетъ“

Въ жизни общества бываютъ минуты, когда нельзя не быть партійнымъ, и съ трудомъ мы можемъ вообразить себя, чтобы актеры кишиневской труппы не понимали, къ какой партіи они себя причисляютъ и какимъ „вечерамъ“ они отдаютъ свои силы, вода хлѣбъ-соль съ Крушеваномъ. Если же они этого не понимаютъ—грустно тогда становится за русскаго актера, такъ отрѣшеннаго отъ общественной жизни.

И вотъ, дѣйствительно, наглядное доказательство необходимости корпоративной связи. Только корпоративный союзъ дастъ намъ ясность и опредѣленность гражданскаго сознанія. „Поэтъ и Гражданинъ“, писалъ Некрасовъ. Появится тогда и такая поэма: „Актеръ и Гражданинъ“.

Членъ будущаго Союза.

М. г. г. редакторы! Въ № 49 Вашего уважаемаго журнала было помѣщено письмо рыбинскаго антрепренера М. Н. Онѣгина о моемъ якобы недобросовѣстномъ поступкѣ. Г. Онѣгинъ освѣтилъ это дѣло, желая скомпрометировать меня, крайне односторонне.

По контракту я долженъ былъ явиться на службу 28 сентября. По словамъ г. Онѣгина я приѣхалъ въ Рыбинскъ 23-го и въ тотъ-же день въ 6 час. вечера былъ въ театрѣ. Тамъ я узналъ, что, въ виду неприбытія большей половины труппы, репетиціи начнутся числа 1-го, 2-го октября. Считаю себя свободнымъ еще нѣсколько дней, я рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ и лично съѣздить. Проѣздомъ черезъ Москву со мной случилось несчастье: я попалъ подъ экипажъ и былъ имъ довольно сильно помѣтъ, о чемъ была замѣтка въ московскихъ газетахъ, такъ что по приѣздѣ въ Рославль я истратилъ всѣ свои деньги на лѣчение. Мою просьбу выслать мнѣ на дорогу г. Онѣгинъ не уважилъ, предлагая приѣхать на свой счетъ, чего я при всемъ желаніи сдѣлать не могъ. Обстоятельства вынудили меня принять предложеніе М. А. Фебера, который не замедлил выслать мнѣ авансъ и немедленно выѣхалъ къ нему, гдѣ и служу въ настоящее время.

Театральное Бюро и г. Онѣгина я увѣдомилъ, что авансъ, взятый у него, я уплачу частями.

Такимъ образомъ, вся моя недобросовѣстность сводится просто къ несчастному случаю со мной, отъ котораго никто не застрахованъ.

Примите и проч. *Климовъ.*

М. г. Въ № 48 Вашего уважаемаго журнала было помѣщено письмо г. Нарановича по поводу моего проекта объ обложеніи театральнахъ билетахъ 1% сборомъ въ пользу Краснаго Креста. Вопросъ о посильной помощи Красному Кресту представляется моимъ дѣломъ постольку же, поскольку и дѣломъ всякаго истинно-русскаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ,—студентъ, или актеръ; а во-вторыхъ, подобное обложеніе билетахъ никакъ уже не можетъ лечь гнетомъ, какъ выразился г. Нарановичъ, на матеріальное благосостояніе гг. артистовъ, равно какъ и уломянутые г. Нарановичемъ сборы въ пользу Вѣдомства Императрицы Маріи. Г. Нарановичъ совершенно ложно представляетъ себя это дѣло и напрасно не справившись съ порядкомъ обложенія билетахъ, заранѣе „празднуетъ труса“. Въдъ г. Нарановичъ, такъ храбро трактующій отъ лица своихъ обратій, будетъ попрежнему получать съ билета тотъ-же рубль, и только публика, которая никогда не откажется придти на помощь страждущему воинству, забота о которомъ и лежитъ на Красномъ Крестѣ, будетъ платить вмѣсто рубля—1 рубль и 1 копѣйку.

Теперь, что касается подробностей разработки бухгалтерской стороны этого вопроса, то я никогда и не думалъ, да и не собирався взять на себя такую отвѣтственность, и думаю, что забота объ этомъ сама собою должна лечь на членовъ того учрежденія, къ пользѣ котораго и направленъ мой проектъ.

Съ почтеніемъ студентъ *И. И. Данскій.*

Прим. ред. Г. студентъ Данскій, однако, слишкомъ просто представляетъ себя дѣло, предполагая, что налогъ будетъ платить публика. Такое утвержденіе свидѣтельствуется о недостаточномъ знакомствѣ его съ театральнымъ дѣломъ. Сумма, вносимая публикою въ кассы театра, есть величина болѣе или менѣе постоянная. Если-бы это было иначе, то актеры и антрепренеры могли-бы стать миллионерами, увеличивая цѣны. Такимъ образомъ обязанность „истинно-русскаго“ человѣка возлагается г. Данскимъ на актера въ гораздо большей мѣрѣ, нежели на публику, особенно если принять во вниманіе, что ни на чемъ такъ тяжело не отозвалась война, какъ на театрѣ. Достаточно того общественаго унынія, которое разоряетъ театры. И еще вотъ что удивительно: въ чемъ-же проектъ г. Данскаго? Въ томъ, чтобы брать копѣйку съ рубля? Только-то? А мы думали, что основанія проекта покоются хотя бы на какихъ-либо вычисленіяхъ, такъ чтобы была возможность судить о томъ, что сулитъ эта очень простая копѣйка, зародившаяся въ очень простыхъ финансовыхъ соображеніяхъ...

ЗАБЫТЫЯ ЦѢЛИ.

Театръ—отраженіе жизни съ ея смѣнами покоя и бурь. Общественныя волны, какъ морскія, не находясь никогда въ абсолютномъ покоѣ, то лѣнливо плещутся, отдыхая послѣ недавняго штурма вѣковыхъ скалъ, то снова идутъ на этотъ штурмъ—величественныя и грозныя. И театръ отражаетъ ихъ теченіе. Иу него есть періоды спячки и періоды, когда онъ возвышается до значенія политической трибуны. Во времена безконечныхъ Людовиковъ, унылыми тѣнями омрачавшихъ, какъ тучи, подавленный французскій народъ, театръ ихъ славословилъ въ ложно классическомъ стилѣ, во всевозможныхъ Гитахъ и Артарксерксахъ, плавно выступавшихъ въ придворныхъ парикахъ. Послышались дальніе раскаты иной грозы—и Бомарше далъ на томъ же придворномъ театрѣ рѣшительный бой одряхлѣвшему, отживающему міру. Гроза разразилась,—и на сценѣ Брутъ, Вильгельмъ Телль, не менѣе трехъ разъ въ недѣлю по приказанію конвента. Такъ театръ идетъ и не можетъ не идти рука объ руку съ жизнью. Если взяты самыя пламенные плоды неукротимаго вдохновенія—произведенія Sturm und Drang періода въ Германіи, романтически растрепанную музу Гюго, мы всегда найдемъ на землѣ, откуда взмыли къ облакамъ эти орлы, историческое объясненіе ихъ полета. Если въ исторіи русскаго театра сопоставить періодъ господства псевдо-патріотическихъ и «испанскихъ» пьесъ, надъ которыми такъ скорбѣлъ Бѣлинскій, вперемежку съ переводными и отечественными водами, способными тѣшить сытые барские желудки, періодъ Соллогубовскаго «Чиновника», первую пьесъ Островскаго и затѣмъ пришедшую на смѣну «Чиновнику» знаменательную Потѣхинскую «Мишуру», гдѣ неподкупный дѣятель изъ новыхъ рисуется въ совершенно иномъ освѣщеніи—съ тѣмъ, что переживало во всѣ эти періоды русское общество, то получится несомнѣнная связь. На смѣну гражданскимъ мотивамъ въ семидесятыхъ годахъ на русской сценѣ, не исключая казенной, пышно распустилась оперетка. Затѣмъ тонъ сталъ порядочнѣе, сдержаннѣе; изъ веселаго пріюта русскіе зрители попали въ салонъ и любовались на казенной сценѣ великосвѣтскимъ «Милліономъ» князя Меццера. Это былъ періодъ заимствованныхъ сюжетовъ, незлобивыхъ легкихъ фарсовъ и легкой игры въ гражданскіе, безобидные мотивы... въ предѣлахъ дозволеннаго. Властелиномъ былъ Викторъ Крыловъ и сошелъ со сцены вмѣстѣ съ этимъ періодомъ. Однако, точно крикъ о помощи, прозвучала мрачно «Власть Тьмы» гордаго, неподчиняющагося ничему, кромѣ совѣсти, великаго печальника о землѣ русскаго, но крикъ былъ задавленъ—она не сразу попала на сцену, раздѣливъ участь многихъ лучшихъ даровъ русскому театру. Говорить о меньшемъ братѣ тогда время еще не пришло. Наконецъ, даже официально было признано, что онъ голоденъ. Общество, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ просидѣвши тридцать лѣтъ, начало понемногу расправлять онѣмѣвшіе члены. Промелькнулъ безслѣдно, не привившись на русской скорби, пестрый и краткій періодъ мистицизма и декадентства—«Гризельды», «Послѣдніе гости», Шницлеръ, Метерлинкъ, «Ганнеле». Изъ этого многое имѣло шумный, мимолетный успѣхъ, и ничто не залегло глубоко въ грудь русскаго театра, не вошло въ его коренной репертуаръ.

И вотъ, теперь—огромной исторической важности время. Общество страдаетъ, борется. Какъ-же на

это отзывается театр? Я далека от требования тенденции. Идея—жизнь художественного произведения, тенденция—смерть его. Идея—свободное его дыхание, тенденция—углекислота, не выдохнутая, скопившаяся внутри, отравляющая весь организм. Идея показывает намъ, что художникъ овладѣлъ своимъ сюжетомъ, нашелъ мѣсто описываемымъ имъ явлениямъ въ мировой гармоніи; тенденция—что сюжетъ овладѣлъ имъ, что явления эти заставляютъ его самого корчиться отъ, быть можетъ, очень возвышенной нравственной боли, но что осмыслить ихъ, подняться надъ ними онъ не въ состояніи, что онъ не врачъ, а больной. Эстетикъ свое мѣсто—во дни величайшихъ волнений на ней лежитъ благородный долгъ напоминать измученнымъ людямъ, что есть на свѣтѣ и голубое небо, и лунный свѣтъ, что не все на немъ кровь и уродливость, но пошлости никогда и нигдѣ не должно быть мѣста. Она никогда не можетъ быть оправдана никакими внѣшними условіями, вродѣ цензурнаго гнета и т. п. Театральное представле- ніе большихъ денегъ стоитъ. Раззолоченный залъ театра имѣетъ право на существованіе, рядомъ съ коморкой изможденнаго рабочаго, потому что не хлѣбомъ единымъ будетъ живъ человекъ, потому что искусство должно быть сохранено, какъ палладіумъ, хоть тѣми, кто по внѣшнимъ счастливымъ условіямъ можетъ его хранить. Но надо сознавать здѣсь громадную нравственную отвѣтственность, надо чтобы эти сотни тысячъ шли дѣйствительно на содержаніе храма, а не убаженіе сытыхъ желудковъ и тѣмъ болѣе дурныхъ инстинктовъ толпы.

Если заняться изслѣдованіемъ причинъ успѣха, выпадающаго за послѣднее время на долю того или другого сценическаго произведенія, то онѣ окажутся въ прямомъ соотношеніи съ тѣмъ, насколько была затронута туго натянутая струна общест- венности. За этимъ и гонятся, не всегда успѣшно, чему свидѣ- телемъ «Мининъ Сухорукъ», «Дѣти Ванюшина», «На днѣ», чеховскій репертуаръ—все это воплощеніе наболѣвшихъ, общественныхъ вопросовъ. Отвѣтовъ, къ несчастію, со сцены давать еще нельзя. Пьесы

съ букетомъ «Русскаго Собранія» увяли, не смотря на усиленную поливку. «Докторъ Штокманъ» имѣлъ шумный, тревожный успѣхъ. Возобновленіемъ изъ репертуара воистину добраго стараго времени «Горячаго сердца», «Въ мутной водѣ» казенная сцена попала въ живѣйшую струю современности: успѣхъ «Горячаго сердца» тѣмъ и объясняется, что городничій съ увязанными веревочкой законами нами далеко не пережить. Отъ казенной сцены трудно, впрочемъ, требовать, чтобы она стала свободной выразительницей общественныхъ идеаловъ, но подъ давленіемъ ихъ на нее за послѣд-

нее время хотя нѣтъ доступа пошлости: специфическія дамскія произведе- нія, когда-то гнѣздившіяся тамъ, какъ сорная трава, вырваны съ корнемъ и—знаменіе времени! — постановка послѣд- няго изъ пусто- цвѣтовъ вызвала цѣлую бурю въ стлянкѣ чернилъ. Погоня за современностью порой кое-гдѣ доходитъ до за- зыванія въ свою лавочку, неиз- мѣющую ничего общаго съ ис- кусствомъ, до шарлатанской игры на луч- шихъ чувствахъ общества. Появились авторы, опошляющіе хо- рошія слова, счита- я себя и впрямъ общественными дѣятелями, клей- мящіе сытыхъ аристократовъ и скорбящіе о го- лодныхъ мужич- кахъ въ болѣе чѣмъ наивной

Ида Альберъ, извѣстная финская артистка.

(Къ предстоящимъ гастролямъ въ Петербургѣ).

публицистикъ—и публика ничего: кушаетъ и бла- годарить, оставляя рядомъ безъ поощренія поста- новки, стоившія массы художественнаго труда, но не соотвѣтствующія ея настроенію. На исполненіе въ подобныхъ пьесахъ «dernier cri», конечно, вниманія не обращается: все дѣло въ томъ, что когда, положимъ, въ салонномъ разговорѣ надо сказать, «наша молодежь», то героиня подходит къ рампѣ и вопитъ источнымъ голосомъ съ явнымъ вымогательствомъ аплодисмента. Смертью Чехова всѣ воспользовались «еле можаху» «для почтенія памяти усопшаго», причемъ подчасъ разочарованный герой, мягко написанный въ турге- невскихъ тонахъ, ревѣлъ, какъ раненый левъ съ папирсной коробки, если-бъ только это почтенное животное обладало голосомъ иныхъ актрисъ. Ко- нечно, внѣшній гнетъ, тяжелымъ ярмомъ лежащій на русскомъ обществѣ, наложилъ и на театръ свою

похолодѣвшую руку. Не вина театра, что нѣтъ пьесъ. Но если вспомнить, какую роль игралъ театръ въ эволюціи государственности хотя-бы во Франціи, идя впереди общества, зовя его за собой и никогда отъ него не отставая, то врядъ-ли возможно свалить все на внѣшнія условія. Вѣдь и во Франціи не было свободы театра, какъ ея не можетъ быть нигдѣ; разница между свободой печати и свободой театра остроумно освѣщена Шэ д'эст'Анжемъ въ процессѣ по поводу запрещенія представленій «Le roi s'amuse».

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Крылья связаны“.

Проф. Лагодинъ—г. Далматовъ.
Рис. М. Демьянова.

«Во времена тревоги и возмущеній пьеса, обставленная всѣми средствами театральной иллюзіи, можетъ поднять всю публику. Что, если въ Римѣ, гдѣ такъ жива религіозная рознь, изобразить Вароломееву ночь? Театръ можетъ превратиться въ мѣсто боя. Остановятъ слѣдующія представленія? Но сколько тревоги въ городѣ, сколько пролитой крови! Есть и другія, менѣе важныя опасности, которыя однако могутъ смутить покой гражданъ и бросить отчаяніе въ нѣдра семей—это пасквильныя воспроизведенія на сценѣ опредѣленныхъ лицъ, частной жизни. И здѣсь даже послѣ перваго представленія будетъ трудно добиться наказанія, ибо часто въ писанной пьесѣ нѣтъ и слѣда всего этого: все лѣло въ сценическомъ воспроизведеніи. По всѣмъ этимъ причинамъ драматическое произведеніе гораздо опаснѣе печати. Поэтому всюду существуетъ предварительная драматическая цензура и когда ее попробовали отмѣнить въ 1791, пришлось вступить въ вооруженной силѣ, чтобы, вопреки только что изданному закону, остановить нѣкоторыя представленія. Конечно, хартія 1830 г. дала французамъ право обнародовать свободно свои мнѣнія. Но развѣ театръ лишь средство для оглашенія мнѣнія? Его сила гораздо значительнѣе. И хартія провозгласила свободу печати, великую и мощную гарантію, безъ которой всѣ другія были-бы ничтожны, но не свобода театра, безконтрольную и немислимую».

Конечно, наши театральныя правила болѣе чѣмъ архаичны и далеко ушли отъ этой, приведенной вкратцѣ разумной теоріи; можетъ быть, нигдѣ такъ какъ въ театрѣ не стѣснена у насъ человѣческая мысль, а съ другой стороны «Контрабандистамъ» была раскрыта дверь съ предупредительностью. Театръ, нашелъ возможнымъ въ наши дни постепенно спуститься отъ «Царя Ѳедора Іоанновича» до незначительныхъ фарсовъ и произведеній, написанныхъ въ стилѣ забытыхъ пьесъ начала девятыхъ годовъ, наводнявшихъ нашу казенную сцену. Жалко въ такихъ случаяхъ роскоши, талантовъ, труда, кажлаго луча, падающаго на сцену, кажлаго деревца на декорации. Какое униженіе долженъ чувствовать уважающій себя артистъ, вынужденный вмѣсто общественнаго служенія, проявлять свой талантъ въ камеръ-обскурѣ, какъ фотографическую пластинку! Но то, что для царства пошлости, находятся подданные и жрецы, показываетъ, что общественное значеніе театра еще плохо сознано, что его цѣли — забыты.

Но онъ еще пробудится, Бѣлинскій провидѣлъ его судьбу въ своихъ вдохновенныхъ статьяхъ. Забытый также культурный періодъ русской исторіи, какъ отблескъ грядущей зари, показалъ намъ, что можетъ дать «отсталый» русскій народъ на умственной нивѣ, если хоть немного освободить повязку. Тьма рѣдѣетъ уже съ тридцатыхъ годовъ; «Ревизоръ», по выраженію одного изъ блюстителей, «совсѣмъ нецензурная пьеса»; равны мировымъ гениальнымъ произведеніямъ — Пушкинскія миниатюры, «Горе отъ ума». На этомъ славномъ фундаментѣ работаютъ другіе труженики, и сквозь всю эпоху великихъ реформъ проходитъ репертуаръ Островскаго. А сначала періода реакціи ничего болѣе, одна «Власть Тьмы». Неужели это случайное совпаденіе? Если еще Тургеневъ жаловался на то, что цензура его времени, заставивъ превратить въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» жену во вдову, совершенно исказила его намѣренія, то еще такъ недавно покойный А. П. Чеховъ показывалъ лично мнѣ экземпляръ своей «Чайки»—на что ужъ, кажется, безобидная вещь! — непропущенной вовсе цензурою въ первоначальномъ видѣ, и одному изъ лучшихъ современныхъ авторовъ предложили внести какія-то измѣненія въ чувствахъ сына къ связи его матери съ Тригориннымъ, находя, что безразличное отношеніе здѣсь соблазнительно для общественной нравственности! И это было далеко не единственное требовавшееся измѣненіе, и такія измѣненія дѣлались, скрѣпя сердце, отбивая, конечно, всякую охоту писать для театра. Какъ писать, трепеща за каждую свою мысль? Вмѣсто того, чтобы свободно отдаваться порыву творчества, подыскивая «езоповы» выраженія,—грустный горбатый придатокъ русской словесности? Скоро-ли она раскроется, а то пока во истину писатель, умомъ повелѣвающій громамъ, тѣломъ истлѣваетъ въ прахѣ, въ моментъ творчества—и царь, и рабъ. И тогда не надо будетъ намъ большаго гордиться лишь тѣмъ, что написано тридцать и болѣе лѣтъ назадъ.

Въ годину борьбы — не до искусства, но пронесутся послѣднія тучи разсѣянной бури, и оно засияетъ проткой улыбкой ликующаго дня—и прорвавшая плотину рѣка общественности, наконецъ, спокойно заблеститъ въ своемъ широкомъ, завоеванномъ руслѣ.

А. В. Бобріщевъ-Пушкинъ.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ „РУСЛАНА“ ГЛИНКИ.

Настоящим праздникомъ для всѣхъ друзей русской музыки была пятница 10-го декабря, когда на Маринской сценѣ, первый разъ по возобновленіи, дали „Руслана“ Глинки. Этимъ спектаклемъ дирекція загладила неприятное впечатлѣніе, произведенное отъѣздомъ, по случаю войны съ Японіей, торжества открытія въ Петербургѣ памятника великому композитору и чествованія его памяти въ день столѣтія со дня его рожденія 20 мая этого года. И дѣйствительно, не есть-ли самъ „Русланъ“ лучший и поистинѣ грандіозный памятникъ, воздвигнутый себѣ безсмертнымъ творцомъ русской національной оперы?

Особенность спектакля, кромѣ совершенно новой тщательной и прекрасной постановки—о ней скажемъ послѣ—заключалась въ томъ, что „Русланъ“ шелъ безъ обычныхъ значительныхъ пропусковъ; на этотъ разъ была выпущена, кажется, только часть аріи Руслана, во второмъ дѣйствіи, именно та часть съ главной пѣвучей темой, которая изложена затѣмъ вторично.

Такое исполненіе затянуло спектакль, начавшійся въ половинѣ восьмого вечера, до половины перваго ночи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дало возможность слушателю, хотя и очень утомившемуся отъ напряженнаго воспріятія всѣхъ многочисленныхъ музыкальныхъ красотъ оперы, убѣдиться, что плохой музыки въ „Русланѣ“ вовсе нѣтъ. Впрочемъ, купюры при исполненіи „Руслана“ объяснялись больше сценическими соображеніями—желаніемъ оживить дѣйствіе, а также необходимостью сократить спектакль. Нельзя однако не замѣтить, что оживленія дѣйствія въ „Русланѣ“, т. е., драматизма все равно не достигнуть. „Русланъ“ не музыкальная драма, а волшебная операсказка. Первая опера Глинки „Жизнь за Царя“ несравненно больше удовлетворяетъ требованіямъ драмы. Но за то въ ней, да и во всей музыкальной литературѣ, не найти такой грандіозной, написанной широкой кистью, эпической картины, какъ первое дѣйствіе „Руслана“—пиръ у князя въ Киевѣ.

Въ высшей степени тонкая и сложная партитура „Руслана“ требуетъ отъ дирижера самаго внимательнаго изученія и немалой подготовительной работы по сретенковѣ. Э. Ф. Направникъ недаромъ считается большимъ знатокомъ „Руслана“. Но кромѣ знанія онъ вложилъ въ исполненіе этой оперы и свою любовь къ ней. Результатъ — оркестръ и хоры въ общемъ оказались на большой высотѣ. Приятной новостью было участіе на сценѣ деревяннаго духоваго оркестра въ сценѣ марша Черномора и въ финалѣ оперы. Были однако нѣкоторыя неточности и недочеты. Въ началѣ аріи Ратмира валторны звучали безъ сурдинъ, вопреки указанію въ партитурѣ, а между тѣмъ оркестровая звучность сурдинъ валторнъ великолѣпно иллюстрируетъ слова текста: „и жаръ и зной смѣнила ночи тѣнь“. Нельзя также согласиться съ замѣной имѣющагося въ партитурѣ унисоннаго хора теноровъ и басовъ для рассказа головы—однимъ басомъ г. Серебрякова, поющимъ въ рупоръ. Этотъ эффектъ былъ примѣненъ Рихардомъ Вагнеромъ въ „Нибелунгахъ“ въ рассказѣ дракона Фафлера. Но, для такой громадной, кстати сказать весьма удачно воспроизведенной, головы богатыря голосъ г. Серебрякова не достаточенъ. Онъ не производитъ необходимой иллюзіи. Нельзя, наконецъ, одобрить вялое исполненіе, безъ нюансовъ, чуднаго персидскаго хора, въ третьемъ дѣйствіи и весь финалъ этого дѣйствія (Горислава, Ратмиръ, Русланъ, хоръ), прошедшій безъ должнаго ансамбля.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей выдѣлились Русланъ — г. Касторскій, проведшій свою вокальную партію весьма удачно и показавшій лишній разъ мягкій и красивый тембръ своего голоса, затѣмъ Финнъ—г. Ершовъ съ большой артистичностью и прекрасной дикціей исполнившій свою балладу. Нечего и говорить, что г. Шаляпинъ въ роли варяжскаго рыцаря Фарлафа былъ неподобенъ. Гримъ его лица, заплывшаго жиромъ, сади шеи толстая складка, вся неуклюжая, толстая фигура, безпокойные взгляды по сторонамъ, какъ нельзя болѣе шли къ типу трусливаго рыцаря - хвастуна, больше занятаго материальными благами жизни, чѣмъ подвигами. Костюмъ его, очень живописный, напоминалъ витязей на картинахъ Васнецова. Въ эпизодической роли Фарлафа развернуться большому таланту Шаляпина было негдѣ. Но извѣстную арію: „близокъ ужъ часъ торжества моего“—одну изъ труднѣйшихъ въ репертуарѣ баса по дикціи въ виду быстрого темпа — онъ исполнилъ артистически и долженъ былъ повторить, при чемъ получилъ подарокъ. Вполнѣ на своемъ мѣстѣ были г. Серебряковъ—Свѣтозаръ и г-жа Черкасская—Горислава. Что-же касается г-жъ Большка и Славиной, то ихъ исполненіе наиболѣе ответственнѣйшихъ партій во всей оперѣ оставляло желать многого. Голосъ г-жи Большка плохо звучалъ на верхнихъ нотахъ, а всякій знаетъ, какое онѣ имѣютъ значеніе въ партіи Людмилы. Арію перваго дѣйствія пѣвица исполнила не въ оригинальной тональности, а въ транспонировкѣ внизъ. Голосъ г-жи Славиной сильно и неприятно вибрируетъ, исполненіе не точное съ вы-

мысленными фермато, не идущими къ характеру музыки Глинки и отзывающимися плохимъ вкусомъ. Г. Алчевскій далеко не блеснулъ въ партіи Баяна. Голосъ его звучалъ на этотъ разъ тухло—фразировка и дикція страдали.

Постановка „Руслана“ обличаетъ большую заботливость и вкусъ. Декорации и въ особенности костюмы, художественно разрисованные, чрезвычайно удачны. Они исполнены въ новѣйшемъ вкусѣ, но безъ декадентствованія, т. е. съ извѣстнымъ чувствомъ мѣры.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Крылья связаны“, И. Потапенко.

Вѣра—М. П. Домашева.

Рис. М. Слѣпана.

Очень красивы декорации перваго дѣйствія — великокняжеская гридница въ Киевѣ и волшебный замокъ Наины съ причудливо спускающимися справа сцены голубыми лампочками—обѣ г. Коровина.

Новы по замыслу декорации садовъ Черномора и его замка г. Головина. Онѣ намѣренно не блещутъ красками, но мелкая свободно переплетающаяся зелень очень красива. Въ декорации замка Черномора нѣтъ рѣзко обозначенныхъ архитектурныхъ линий, но отдѣльно выступающія изъ-за сцены колонны и абрисы фронтоновъ съ центральнымъ куполообразнымъ входомъ производятъ фантастическое впечатлѣніе. Декорации послѣдней постановки „Руслана“ были болѣе красочны. Теперешняя постановка болѣе фантастична, сказочна.

Одно замѣчаніе относительно постановки перваго дѣйствія—пиръ у князя Свѣтозара. Пиръ долженъ происходить днемъ въ залитой солнцемъ гридницѣ. Тогда внезапное наступленіе мрака при похищеніи Людмилы Черноморомъ будетъ производить впечатлѣніе волшебства.

А теперь прекращеніе электрическаго свѣта въ люстрахъ

производить фальшивое впечатлѣніе обыкновеннаго театральнаго эффекта.

Въ заключеніе одинъ курьезъ, впрочемъ, печальнаго свойства. Въ одной большой газетѣ, приходя въ развязный, но въ сущности не сознательный, дѣтскій восторгъ по поводу возобновленія „Руслана“ рецензентъ, называя Глинку „основателемъ русской музыки“, затѣмъ восклицаетъ: „Вѣдь музыка „Руслана“ — это, нашъ свѣточъ, наша гордость. Въ самомъ дѣлѣ, что можемъ мы, русскіе, противопоставить сомну великихъ классическихъ созданий западно-европейской музыки? Музыку „Руслана“, и только ее!“ На эту тираду всякій мало-мальски знакомый съ русской музыкальной литературой только улыбнется и даже возражать не станетъ. Но при низкомъ общемъ уровнѣ у насъ музыкальнаго образованія, найдутся и такіе, которые и вправду подумаютъ объ убожествѣ нашей музыкальной литературы сравнительно съ западной. Не задаваясь педагогической цѣлью дать здѣсь очеркъ исторіи русской музыки — свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть изъ имѣющихся уже сочиненій и статей — замѣтимъ лишь, что при относительной молодости русской музыкальной школы, въ связи съ молодостью общей нашей культуры, мы однако уже имѣемъ оперы Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Кюи, Бородина, обширную симфоническую литературу, въ томъ числѣ такіа произведенія какъ „Тамара“ симфонія Балакирева, симфоническія произведенія Чайковскаго, симфоніи Бородина, Глазунова. Все это, смѣемъ увѣрить, смѣло можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими образцами западной музыки. Это давно призналъ и самъ Западъ. Многое изъ перечисленнаго давно уже исполняется за границей и оцѣнено по достоинству.

Кромѣ того нельзя сказать, чтобы Глинка былъ „основателемъ русской музыки“. Русская музыка существовала и до него. А народныя пѣсни, характеръ которыхъ онъ удивительно постигъ и запечатлѣлъ въ художественныхъ формахъ! Въ дѣйствительности, Глинка основалъ русскую музыкальную школу и какой бы онъ былъ основатель школы, если-бы послѣ него мы не имѣли цѣлаго ряда великихъ художественныхъ произведеній.

Напомнимъ также, что Глинка не написалъ ни одной симфоніи. Русскую симфонію создали другіе.

Г. Тимофеевъ.

1000-Е ПРЕДСТАВЛЕНІЕ „КАРМЕНЬ“.

Въ Парижѣ, 23 декабря (по новому стилю), въ „Opéra Comique“ состоялось 1000-е представленіе оперы Бизе „Кармень“. Спектакль былъ обставленъ помпезно. Заглавную партію пѣла знаменитая Эльма Кальвэ. Небезынтересно припомнить, что опера „Кармень“, приводящая въ настоящее время всѣхъ въ восторгъ, при первомъ представленіи въ Парижѣ успѣха не имѣла. Авторъ былъ жестоко освященъ.

Музыкальные критики, самые важные и вліятельные изъ нихъ — les princes de la critique — посвятили оперѣ Бизе рядъ безопадныхъ статей. Буи, первый исполнитель роли тореадора, рассказываетъ, что авторы (либретисты и композиторъ) были до такой степени уstraшены приѣмомъ критики и публики, что „заклинали“ исполнителей быть какъ можно „умѣреннѣе“ и сдерживали игру главныхъ персонажей. Во второмъ актѣ, напримѣръ, Буи, входя въ таверну, бралъ за подбородокъ двухъ гитанъ — жестъ, по нынѣшнимъ понятіямъ, вполне невинный. Авторы упустили его не дѣлать этого, чтобы не шокировать публику. Исполнительница роли „Кармень“ Галли-Маріэ, чтобы не скандализировать публику, должна была сдерживать себя какъ можно больше, а между тѣмъ и самая концепція роли была далека отъ нынѣшняго реалистическаго толкованія.

Въ томъ же самомъ году „Кармень“ была представлена въ Вѣнѣ, съ гораздо большимъ успѣхомъ, нежели въ Парижѣ, затѣмъ въ Брюссель. Въ 1882 г. „Кармень“ была исполнена въ Германіи съ громаднымъ успѣхомъ, выдержавъ въ одинъ сезонъ 145 представлений. Въ Парижѣ „Кармень“ въ 1875 г. выдержала 45 представлений, 1876 г. только *три!* а въ теченіи періода времени съ 1877 г. по 1882 г. (годъ триумфовъ въ Германіи) не давалась *ни разу*. Зато въ 1883 г. опера была уже дана 56 разъ. Таково дѣйствительное выраженіе извѣстнаго изреченія: нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ!

Любопытно, что у насъ, въ Россіи, „Кармень“ была представлена на сценѣ Маринскаго театра, тогда находившагося въ пользованіи италянскій оперы, тоже въ сезонѣ 1882—3 г., т. е. послѣ германскихъ триумфовъ. У насъ „Кармень“ пѣла Ферри-Джермано, исполнительница изящная, музыкальная и законченная, но далекая отъ той великолѣпной красочности и удивительнаго драматизма, которыми отличалось, напримѣръ,

исполненіе знаменитой Борги. Въ сценѣ гаданія на картахъ Борги произвела впечатлѣніе, поистинѣ ошеломляющее.

Партію тореадора первый разъ въ Петербургѣ пѣлъ Котони, дон Хоже — недурной актеръ, съ небольшимъ по діапазону теноромъ, — Энгель. Успѣхъ въ Петербургѣ превзошелъ всѣ ожиданія, но и среди петербургскихъ меломановъ и критиковъ раздавались голоса порицанія: находили, что музыка легкомысленна и не драматична. Традиціи „Grand Opéra“ еще слишкомъ сильно властвовали надъ сердцами и слухомъ...

Приводимъ кстаті, нѣсколько отзывовъ современныхъ французскихъ музыкантовъ, заднимъ числомъ приносящихъ свое раскаяніе: „Тутъ все ясно, откровенно, просто, кратко, сильно, натурально. Партитура одушевлена необыкновенною интенсивностью жизни: она одновременно дышетъ горестью, и улыбается счастьемъ. она страстна и полна разума, говоритъ о насиліи и поетъ о нѣжности“ (Брюно). „Я рассматриваю „Кармень“, какъ начало національнаго возрожденія французской музыки, находившейся съ 1830 г. въ еврейскомъ плѣну“ (sic!) (В. д'Энди — ближайшій, очевидно, кандидатъ на мѣсто депутата Сиветона). „Въ настоящее время явились „традиціи“: пѣвцы, для которыхъ пѣніе и музыка — двѣ разныя вещи, разрушили ритмъ, душу этой испанской музыки, упразднили музыкальную „мѣру“, публика же въ восхищеніи... Какъ бы она была восхищена, если бы ей дали настоящую „Кармень“ — ту, которой нѣкогда такъ чурались...“ (Сень-Сансъ).

О ТЕАТРАЛЬНОЙ РЕМАРКѢ.

IV.

Школа молодыхъ (не годами — а направленіемъ) италянскихъ драматурговъ вся придерживается системы подробныхъ описательныхъ ремарокъ — въ томъ именно желательномъ смыслѣ, на который я указывалъ въ первой своей статьѣ. Интересно, что именно *вся* «молодая Италія» слѣдуетъ этому методу. Я просматривалъ пьесы Роветта («Между дѣломъ»), «Друзья»), Прага («Влюбленная»), Бракко («Невѣрная»). Вездѣ одно и то же. Сильнѣе всего, однако, эта тенденція выражена у Габріеля Д'Аннунціо, у котораго позволю себѣ взять только два примѣра.

(Сильвія остается нѣсколько секундъ неподвижной передъ закрытымъ занавѣсомъ, отъ котораго ее отдѣляетъ свѣтящаяся полоса. Потомъ дѣлаетъ шагъ впередъ, порывисто перешагнувъ черезъ лучи, какъ бы преодолевъ препятствіе; быстрымъ движеніемъ приподымаетъ одинъ край занавѣса и исчезаетъ за его складками, тяжело опускающимися за ней. Проходитъ нѣсколько секундъ полнаго молчанія; слышно только прерывистое дыханіе сестры; — когда вдругъ на темномъ фонѣ пурпура вновь появляется мертвенно-блѣдное лицо героини, на которомъ еще видно какъ бы отраженіе блеска дивнаго произведенія. Даже ея обнаженныя руки, раздѣляющія края занавѣса, на темномъ фонѣ кажутся свѣтящимися. Глаза ея расширены и сохраняютъ выраженіе восторга, такъ какъ, вмѣсто ожидавшагося ею призрака смерти, она встрѣтила изображеніе жизни во всемъ ея совершенствѣ. Къ дрожащимъ орбитамъ ея глазъ подымается постепенно какая-то волна и въ видѣ двухъ крупныхъ, дивныхъ слезъ выливается и катится по щекамъ. Не давъ имъ докатиться до рта, она пальцами приостанавливаетъ ихъ и разводитъ по лицу, точно желая умытья ими, какъ живительной росой. Волненіе, испытываемое ею, вызвано не воспоминаніями прошлаго и не слѣдами кроваваго событія, а созерцаніемъ чистаго, чуднаго, единственнаго творенія. Она полностью восприняла очарованіе чистой красоты и на нее временно нашло отдохновеніе отъ всякихъ волненій и страховъ. Божественная искра радости проникла въ ея душу и, уподобивъ ее хрустальной прозрачности слезъ, излѣчила ее на нѣсколько мгновений. Эти слезы служатъ нѣмой и горячей жертвой ея души высокому творенію). („Джіоконда“ д. III, явл. I-ое).

Какъ это красочно и въ смыслѣ внѣшности, специчности, и въ смыслѣ настроенія...

(Колдунья выступаетъ впередъ. Протягиваетъ Догарессѣ восковую фигуру съ волосами и стеклянными глазами, обнаженную, похожую на идола. Женщины смотрятъ на нее съ нѣмымъ ужасомъ. Руки Догарессы дрожатъ, когда она беретъ изображеніе. Она садится на красную скамью и кладетъ его къ себѣ на колѣни, устремивъ на него пристальный взглядъ, въ которомъ силится сосредоточить всю разрушительную силу ненависти. Потомъ рѣзкимъ движеніемъ вынимаетъ изъ своихъ кося длинную золотую булаву, точно кинжалъ изъ ноженъ и тыкаетъ ее въ восковую фигуру. Колдунья приблизилась

къ пьедесталу статуи, читаетъ по книгѣ тихимъ голосомъ заклинанія и по временамъ сыплеть на жаровню порошокъ изъ ароматовъ. Облака стали фиолетовыми надъ садомъ, который покрываетъ темнота). („Сонъ осенняго вечера“ д. I. явл. 6-ое).

Какимъ нѣмымъ драматизмомъ проникнута вся эта сцена!..

Перехожу къ «молодой» русской школѣ..

Здѣсь прежде всего остановимся на пьесахъ Чехова и Горькаго. Чеховъ, въ своихъ ремаркахъ, въ общемъ — какъ это ни странно — придерживается добрыхъ старыхъ традицій. Странно — потому что именно у Чехова такое широкое поле различныхъ настроеній и психологическихъ парадоксовъ — а это, казалось бы, должно было найти свое отраженіе въ ремаркахъ. Я съ извѣстнымъ нетерпѣніемъ просматривалъ «Чайку» и «Три сестры», ожидая и желая найти какой-нибудь характерный комментарий, какое-нибудь руководящее авторское опредѣленіе момента, Ничего подобнаго!.. Мѣстами точная планировка внѣшнихъ движеній — и больше ничего... Вся смѣна колеблющихся настроеній, созданныхъ для пьесъ Чехова театромъ Станиславскаго, является, такимъ образомъ, попыткой исполнителя (вѣрнаго или невѣрнаго — это другой вопросъ) проникновенія въ авторскія цѣли и желанія..

Галли-Маріа.

(Первая исполнительница роли Карменъ).

1000-е ПРЕДСТАВЛЕНІЕ „КАРМЕНЪ“.

Нуовина, въ роли Карменъ.

Между тѣмъ гдѣ бы, кажется, была болѣе умѣстна, во избѣжаніе произвольныхъ толкованій, повѣствовательно-описательная форма ремарки, какъ не въ неясныхъ, обрывчатыхъ, какъ сама жизнь, пьесахъ Чехова?..

Совсѣмъ иное мы встрѣчаемъ у Горькаго. Его ремарка сильна, своеобразна, подчеркиваетъ особенности даннаго сценическаго положенія. Авторъ, очевидно, признаетъ важное значеніе ремарки, развиваетъ и совершенствуетъ ее. Въ «Мѣщанахъ» ремаркамъ удѣлено меньше мѣста, въ «На днѣ» онъ ужъ широко пользуется этимъ авторскимъ способомъ воздѣйствія на исполнителей и читающую публику... Два примѣра изъ «Мѣщанъ»:

«Два примѣра изъ Мѣщанъ»:

„Тетеревъ начинаетъ шуточно. Постепенно переходитъ въ серьезный тонъ и кончаетъ свою рѣчь сильно, убѣжденно. Кончивъ, онъ, тяжело ступая, отходитъ въ сторону. Минута общаго молчанія. Всѣ смущены, почувствовавъ въ словахъ его что-то тяжелое, искреннее“ (д. I-ое).

„Въ комнатѣ Татьяны ея крики смѣшиваются съ глухимъ голосомъ отца и нервными, отрывистыми словами Петра. Гремятъ какая-то посуда, падаетъ стулъ, скрипитъ желѣзо кровати, мягко шлепается о полъ подушка. Степанида нѣсколько разъ выбѣгаетъ изъ комнаты, растрепанная, съ открытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, хватается изъ шкафа тарелки, чашки, что-то разбиваетъ и снова скрывается. Изъ сѣней заглядываютъ въ дверь какія-то рожи, но никто не рѣшается войти. Выскакиваетъ маляръ мальчишка и взглянувъ въ дверь къ Татьянѣ, тотчасъ возвращается назадъ, громкимъ шопотомъ сообщая: „помираетъ“. На дворѣ раздаются звуки шарманки, но тотчасъ же обрываются. Среди людей въ сѣняхъ глухой говоръ: „Убилъ? Отецъ“. Онъ ей говорилъ —эй, говоритъ, смотри у меня... По головѣ... Чѣмъ?.. Не знаешь?.. Что врешь...“ Женскій голосъ спрашиваетъ: „Замужняя?..“ Кто-то громко, съ сожалѣніемъ, чмокаетъ губами“ (д. III).

Двѣ небольшія, но характерныя ремарки изъ «На днѣ».

„Настя вдругъ прерываетъ рѣчь, молчитъ нѣсколько секундъ, и вновь закрывъ глаза, продолжаетъ горячо и громко, помакивая рукой въ тактъ рѣчи и точно вслушиваясь въ отдаленную музыку“ (д. III-е).

„Шумъ въ квартирѣ Костылевыхъ стихаетъ, удаляясь должно быть, въ сѣни изъ комнаты. Слышенъ крикъ старика: „Стой!“ Громко хлопаетъ дверь и этотъ звукъ, какъ топоромъ обрубаешь весь шумъ. На сценѣ тихо. Вечерній сумракъ. Клещъ безучастно сидитъ на дровняхъ, крѣпко потирая руки. Потомъ начинается что-то бормотать — сначала невнятно, далѣе: „Какъ же?.. Надо жить...“ Медленно согнувшись уходитъ. Нѣсколько секундъ зловѣщей тишины. Потомъ — гдѣ-то въ проходѣ рождается смутный шумъ, хаосъ звуковъ. Онъ растетъ, приближается. Слышны отдаленные голоса“ (д. III-е).

Перейдемъ къ бѣглому просмотру «меньшихъ боговъ» современной драматургіи. О Найденовѣ я говорилъ уже въ первой статьѣ. Во всѣхъ своихъ пьесахъ онъ остается вѣренъ системѣ распространенныхъ, описательныхъ ремарокъ. Много типичныхъ, яркихъ ремарокъ можно набрать въ любой изъ его талантливыхъ пьесъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ это сдѣлать.

Г. Потапенко, по части ремарокъ, находится какъ бы на

Эмма Кальве.

(Послѣдняя исполнительница роли Карменъ).

перепуты. Иногда у него встрѣчаются весьма содержательныя указанія, обрисовка настроеній, иногда въ скобкахъ только шаблонныя, обязательныя отмѣтки...

У г. Трахтенберга ремарки обрывисты, эпизодичны—въ унисонъ съ обрывистостью діалога...

У г. Карпова—ремарка хотя и довольно подробна, но написана по стародавнимъ образцамъ и указываетъ только чисто внѣшнія измѣненія сценическихъ положеній. Психологической сущности въ ремаркахъ онъ не касается.

Ничего выдающагося, характернаго въ этомъ отношеніи я не нашелъ у гг. Радзивилловича, Федорова, Чирикова, Платона и другихъ...

Общій выводъ тотъ, что наша «молодая» школа—за немногими исключеніями—недостаточно уяснила себѣ большое вспомогательное значеніе ремарокъ, и недостаточно пользуется ими... А гдѣ же какъ не въ современныхъ пьесахъ—пьесахъ колеблющихся настроеній и психологическихъ парадоксовъ—автору было бы удобно привлечь къ себѣ на помощь это вспомогательное оружіе?.. Пожелаемъ же, чтобы наши «молодые» драматурги удѣлили вопросу о ремаркахъ то вниманіе, котораго онъ вполне заслуживаетъ, что, какъ я указалъ выше, уже вполне признано молодою италіанской школой.

Импрессионистъ.

Примѣчаніе редактора. Не могу удержаться, чтобы не сдѣлать своей «ремарки» къ интереснымъ статьямъ г. Импрессиониста. Эволюція ремарки дѣйствительно находится въ тѣсной связи и въ тѣсномъ соотношеніи съ направлениемъ и характеромъ драматической литературы. Но, по «старовѣрству» своему, я не вижу особаго преимущества или отраднанаго показателя въ развитіи ремарки. «Прирожденная» форма драматической поэзіи—діалогъ. Въ діалогѣ все: и описаніе, и дѣйствіе, и движеніе. Въ этомъ и трудность драматической поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, романистъ можетъ вмѣсто разговоровъ давать описанія и рассказы, или какъ у Юлія Цезаря въ исторіи галльскихъ войнъ, либо у Зола, даже прибѣгать къ «косвенной рѣчи» («огатіо obliqua», какъ она именуется въ латинскихъ грамматикахъ). Гдѣ у романиста навертывается настоящій діалогъ—тамъ у него герои разговариваютъ, а не найдется сейчасъ такихъ словъ, онъ, не затрудняя себя придумываньемъ, говоритъ отъ собственнаго лица. Но драматургъ обязанъ—потому что въ этомъ все его искусство—вести всю драму «настоящими» словами дѣйствующихъ лицъ. Описательная ремарка, какъ бы она ни была интересна, есть уже «вспомогательный родъ оружія», и къ драмѣ, собственно говоря, не имѣетъ прямого отношенія. Въ «Богатомъ челоуѣкѣ» С. А. Найденова множество великолѣпнѣйшихъ, разъяснительныхъ ремарокъ, но актеру, играющему роль, и публикѣ, слушающей пьесу, эти ремарки мало помогаютъ. Ремарки то отличныя, а словъ, на которыхъ можно сыграть и которыми можно показать сценическое движеніе, не хватаетъ.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе ремарки. По существу, это вторженіе эпоса въ драматическую поэзію: сыграть ремарку нельзя, если въ діалогѣ нѣтъ движенія или его недостаточно. А если его достаточно, ремарка является лишь пояснительнымъ комментариемъ, котораго значеніе весьма сомнительно. Это не болѣе, какъ тѣ музыкальныя значки, которыми обозначаютъ иногда, какимъ пальцемъ слѣдуетъ ударить по клавишѣ. И если съ одной стороны, это облегчаетъ задачу актера, то еще чаще

окончательно сбиваетъ съ толку. Напримѣръ, ремарка С. А. Найденова о томъ, что такой то или такая то обладаютъ такой фигурой, заставляютъ устраивать себѣ именно такую фигуру. Или въ «Авдотьиной жизни» ремарка, что отецъ Авдотьи говоритъ на высокихъ нотахъ. Актеръ лѣзетъ изъ кожи, чтобы пищать, насилуетъ голосъ, и въ концѣ концовъ, выигрывая во внѣшней типичности, теряетъ въ вѣрности психологической и въ легкости игры. Помню ремарку въ «Педагогахъ», благодаря которой роль комической старухи была передана совершенно несоотвѣтствующей актрисѣ, потому что она подходила къ фигурѣ, которая видѣлась автору, но которая, конечно, ни на волосъ не измѣняетъ психологическаго «образа».

То же самое скажу относительно ремарокъ «настроенія»: это должно быть ясно изъ текста. Если же не ясно, предоставьте актеру «угадывать». Угадывая, онъ творитъ. Подчиняясь ремаркѣ, онъ утрачиваетъ свою самостоятельность. Сколько разъ мнѣ приходилось замѣчать фальшивыя интонаціи, дѣланные переходы только потому, что актеръ подчиняется категорической ремаркѣ! У автора концепція роли складывается въ такихъ-то подробностяхъ, у актера—въ другихъ, но ремарка есть приказъ, и собственныя, легкія, естественныя подробности исчезаютъ. У автора сказано: «смѣется», а актриса хочетъ улыбнуться, и даже только глазами. Но сказано «смѣется», и она смѣется, выходя изъ рамокъ задуманнаго и выношеннаго образа.

Нѣтъ, это палка о двухъ концахъ—ремарка. Г. Импрессионистъ затронулъ любопытный вопросъ, и я убѣжденъ, что онъ вызоветъ на страницахъ «Театра и Искусства» оживленный споръ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ НАБРОСКИ.

Я люблю Рождество, этотъ зимній праздникъ съ его суетней, хлопотами и дѣтской радостью. На улицахъ многолюдно, шумно, скоро темнѣетъ, и окна магазиновъ блещутъ елочной мишурой и яркими украшениями.

Всѣ со свертками, всѣ озябіе, суетливыя, куда-то радостно спѣшашіе и веселые.

И даже одинокія фигуры бѣдняковъ, съ которыми сталкиваешься на углу улицы—не вызываютъ обычной досады и безпомощной жалости; кажется, что теперь, именно теперь, передъ Рождествомъ, къ такому бѣдняку явится сказочный благодѣтель—и все устроить, дать денегъ, доставить мѣсто... И чудеса рождественскихъ рассказовъ баюкаютъ нашу совѣсть, и сунутый въ озябшую руку гривенникъ рисуется намъ началомъ благополучія и будущиихъ миліоновъ богача-нишага. Вѣдь передъ праздникомъ мы такъ радужно настроены и такъ искренно хотимъ блага ближнему своему.—Я люблю Рождество, когда на улицѣ темно и туманно, холодно—а дома такъ хорошо и уютно...

Въ полутемной комнатѣ топится печка, и черныя тѣни скачутъ и пляшутъ по стѣнамъ и потолку; яркія пятна свѣта гонятся за ними, и они кружатся и наполняютъ комнату неслышной жизнью, словно веселые маленькіе духи рождественскихъ сказокъ...

И роятся мысли, такія же быстрыя и причудливыя, какъ эти пятна тѣни и свѣта, и слагаются въ смѣшныя, веселыя сказки, гдѣ все кончается счастливо, потому что на Рождествѣ должны всѣ быть счастливы, и все должно быть весело, причудливо и смѣшно. И дѣти любятъ такія сказки, и внимательно слушаютъ ихъ въ полутемной комнатѣ, гдѣ такъ тепло и уютно, и гдѣ топится и свѣтитъ печка.

Я люблю дѣтей и люблю, какъ они ждугъ святокъ. У нихъ у всѣхъ свои маленькія желанія, свои надежды. И они полны радостнаго и тревожнаго ожиданія веселья и тѣхъ маленькыхъ чудесъ и неожиданностей, которыя такъ красятъ и освѣщаютъ наше дѣтство.

Но странное чувство вызываютъ у меня нарядныя елки. Я не люблю эти шумныя сборища разряженныхъ дѣтей, ошеломленныхъ свѣтомъ, стѣсенныхъ необычными костюмами, и большимъ незнакомымъ обществомъ.

Мнѣ жаль дѣвчурокъ съ завитыми разъ въ годъ локонами и бантами широкихъ поясовъ, жаль мальчугановъ въ узкихъ бархатныхъ штанишкахъ и кружевныхъ во-

ротничкахъ — а всего болѣе жаль маленькую хозяйку, которая должна занимать своихъ гостей, а сама оторвана отъ своего веселья, отъ своего праздника нелѣпой, навязанной ей ролью.

Дѣти растеряны и жмутся смущенной толпой — а ихъ уговариваютъ и просятъ веселиться... Ихъ просятъ веселиться, когда веселье само должно ключемъ бить изъ нихъ, струиться какъ та сказочная струя «живой воды», въ которой скрыто столько силъ и столько сказочныхъ подвиговъ.

На такихъ елкахъ не дѣти веселятся — а они веселятъ и тѣшатъ взрослыхъ, своихъ папашъ и мамашъ, дядюшекъ и тетюшекъ — бѣдныя, разряженныя живыя куклы.

Въ праздникѣ дѣтей, въ рождественской елкѣ, все должно быть ласково и просто. Тогда и въ дѣтяхъ будетъ все искреннимъ, простымъ и ласковымъ, и веселье будетъ искреннимъ и простымъ, и сусальная звѣзда рождественской елки будетъ свѣтиться въ нашей памяти ярче и долѣе многихъ сверкнувшихъ и потускнѣвшихъ сусальныхъ радостей и грезъ жизни.

1000-е ПРЕДСТАВЛЕНИЕ „КАРМЕНЪ“.

Бизе въ молодости.

Утренній спектакль для дѣтей.

Посмотрите, сколько ребятъ въ этой ложѣ!.. Какъ они помѣстились!.. Стулья составлены въ рядъ, и ребяташки усѣлись, какъ котята на лавку. Сзади конфузливо прячется гимназистикъ побольше, кто-то изъ старшихъ, а въ углу цѣлая куча пальто, шубокъ, шапочекъ, платковъ, муфточекъ... Шагнуть нельзя — подъ ногами гряда маленькыхъ калошъ. Всѣ ложи кишатъ мелюзгой; въ партерѣ блестящее многоочіе пуговицъ учащейся молодежи... Интересъ, нетерпѣніе, волненіе и страхъ... Глазенки горятъ, вниманіе страшное и какой интересъ!..

На сценѣ — чертовщина.

Ходятъ слоны, сокрушаются поѣзда, багдадскіе пирожники совершаютъ чудеса съ вол-

шебной лампой, герои глотаютъ пилюли и спасаются отъ козней волшебницы, а страшные чародѣи летаютъ по воздуху, гремятъ громами и похищаютъ принцессъ.

Сухой резонеръ, съ замогильнымъ голосомъ и благородной наружностью, сегодня всеисильный напаша или всемірно-извѣстный путешественникъ, начальникъ экспедиціи; онъ уныло баситъ свою роль по суфлеру и вѣроятно, не чувствуетъ, какъ его приказанія въ эту минуту волнуютъ зрительный залъ. «Грѣтій» любовникъ — сказочный принцъ. Онъ шеголяетъ костюмомъ, спасаетъ принцессу, роль выучилъ на зубокъ въ тайной надеждѣ отличиться, и мечты о «Гамлетѣ» никогда такъ не близки ему, какъ сегодня.

Драматическая инсѣне похищена въ первомъ дѣйствіи и, сердитая, ждетъ въ уборной своего освобожденія въ послѣдней картинѣ. Зато «водевильная съ пѣніемъ», — добрая фея — вызываетъ бурю восторговъ и бисерируетъ свою арію на мотивъ армянскаго вальса «Невозвратное время».

Комикъ пьянъ. Онъ, кажется, даже не отчетливо помнитъ, что играетъ, — но одно его появленіе, его толстый животъ, лысая голова и красный носъ дѣлаютъ свое дѣло. Дѣтишки заливаются смѣхомъ, визжатъ отъ удовольствія тоненькими голосами, бьютъ въ ладоши.

Но кто сегодня герой спектакля — это водевильный простачекъ. Подумайте: онъ спасъ господина, леталъ на луну, былъ въ лапахъ у чертей, женился на вѣдьмѣ и захватилъ въ плѣнъ самого вождя команчей.

Маленькіе зрители въ восторгѣ и простачекъ фортелитъ, носится по сценѣ и вызываетъ бурю апплодисментовъ, вызовы и уходы.

И когда пьеса подходит къ концу, ребята съ грустью считаютъ, какъ мало осталось картинъ до конца, въ антрактахъ уже грезятъ тѣмъ, что видѣли, и

Ф. Литвинчъ, въ роли Карменъ.

Дельна, въ роли Карменъ.

жалѣють о немъ, какъ жалѣють съѣденное, вкусное пирожное.

Утренникъ сыгранъ. Дѣтвора разошлась, и вся эта милая нелѣпица, блестящая и шумливая фантазматорія святочнаго дѣтскаго спектакля окончилась.

И когда вечеромъ артисты будутъ играть въ серьезной пьесѣ, лить слезы, погружаться въ бездны психологіи и создавать на полутонахъ настроеніе передъ сытой праздничной публикой—я не знаю, вызовутъ ли они такіе искренніе восторги, какъ сегодня, на дѣтскомъ утренникѣ, будутъ ли сердца зрителей замирать и биться такимъ тревожнымъ и сладкимъ чувствомъ, какимъ трепетали во время фантастической фееріи маленькія дѣтскія сердчишки?

Артисты жаждутъ рукоплесканій, ищутъ успѣха, хотятъ создать себѣ имя—и, неблагодарные, забы-

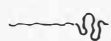
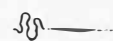
актеры, когда-то игравшіе этотъ утренникъ, кажутся необыкновенными, лучшими, и любовно улыбаешься, вспоминая ихъ—далекихъ, милыхъ друзей и неизмѣнныхъ героевъ рождественскаго веселья.

Нуръ.

КТО КОГО?

Въ словахъ Г. Г. Ге о томъ, что «публика», просачиваясь въ театръ, портитъ его и понижаетъ актерскій уровень, очень много вѣрнаго. На первый взглядъ, это можетъ показаться крайне парадоксальнымъ, потому что принято думать, что актеры и актрисы «портятъ» публику, почему и стараются охранить «общество» отъ ихъ «тлетворнаго» влія-

— КЪ СПЕКТАКЛЯМЪ ТРУППЫ БР. АДЕЛЬГЕЙМЪ. —

Софія Чаруская.

Н. Ф. Никольскій-Федоровъ.

ваютъ своихъ маленькихъ поклонниковъ, которые сегодня утромъ такъ горячо рукоплескали имъ.

А между тѣмъ вся эта дѣтвора долго будетъ бредить тетромъ: афиша бережется, какъ святыня, вся выучена наизусть и въ дѣтской идутъ нескончаемыя представленія.

Столъ, стулья, простыни, мамины юбки—все, все идетъ въ ходъ!.. Съ какимъ жаромъ выкрикиваетъ монологъ принца гимназистикъ, конфузливо прятанійся въ ложѣ среди маленькихъ; сколько колотушекъ выпадаетъ на долю бѣднаго бутуза, выступившаго въ роли комика (онъ такой-же толстый) и какъ застѣнчивы и довольны сестренки—принцесса и добрая фея!

Правда, въ текстѣ «пьесы» много купюръ и фантазій, въ представленіи много путаницы и нескладнаго—но тѣмъ больше оно напоминаетъ рождественскій утренникъ.

Елка, простая, семейная елка и дѣтскій спектакль—вотъ самыя желанныя, самыя яркія воспоминанія дѣтства.

И когда много, много лѣтъ спустя старая афиша утренника попадетъ подъ руку—въ памяти ярко воскресаютъ далекіе дни дѣтства,—вспоминаются забытыя впечатлѣнія; изгладившіяся имена и всѣ

янія. А между тѣмъ происходитъ какъ разъ обратное. Видите ли, есть карьера и карьера. Есть карьера, къ которой готовятся долгимъ искусомъ и которая захватываетъ человѣка съ «младыхъ когтей». А то бываютъ «карьеры» случайныя, нелѣпныя, и потому не вырабатывающія ни традицій, ни любви къ дѣлу, ни профессиональной этики. И такова карьера той «публики», которая, просочившись въ театръ, вноситъ на сцену всю случайность и нелѣпость своего происхожденія.

По своей сущности, стремленіе сдѣлать карьеру не заключаетъ ничего дурнаго или злокачественнаго. Всякому хочется выдвинуться, стать на виду, вліять на жизнь, на окружающія отношенія, больше получать доходовъ, лучше жить и комфортабельнѣе прожизиваться. Во всемъ этомъ, разумѣется, мало возвышеннаго, но вѣдь обыденная мораль держится не на красотѣ подвига, а на нормальныхъ требованіяхъ среднихъ людей и среднихъ условій существованія.

Дурно не упорное преслѣдованіе своей карьеры, а беспорядочное метаніе по сторонамъ съ цѣлью поймать за хвостъ что-нибудь, какое-нибудь подобіе власти, денегъ, могущества. Дурно, мнѣ думается, именно отсутствіе карьеризма, т. е. сосредоточеннаго, яснаго представленія о задачахъ, цѣляхъ жи-

НОВАЯ ОПЕРА.

зни, къ которымъ человекъ стремится, для которыхъ человекъ себя готовилъ и которыя дороги для него уже по одному тому, что онъ сроднился съ формами будущей жизни, полюбилъ ихъ и вложилъ въ мечты объ нихъ беззаветную преданность идеалиста. Въмѣсто этихъ людей, которые, дурно, хорошо-ли, посятъ въ души своей прочныя начала, предъ нами стадо, не только не умѣющее формулировать общіе вопросы жизни, но не знающее хорошенько, что собственно всего болѣе пригодно для него самого и чего ему истинно хочется: севрюжины съ хрѣномъ или роли неврастеника.

Мнѣ каждый день приходится знакомиться съ людьми, которые несомнѣнно добиваются денегъ, славы и могущества и которые въ то же время несомнѣнно не сознають, кто они такіе и какимъ путемъ имъ придется осуществить свои стремленія. Со мною въ вагонѣ ѣздилъ молодой человекъ, съ нотами подъ мышкою. Сядетъ, немедленно развернетъ тетрадь—а на тетради все надписи, вроде «*adagio*», «6 концертъ». «*uno raso più quasi fantasia*» и пр.—и углубляется въ чтеніе, отбивая ритмъ въ воздухѣ пальцемъ. Я думалъ, что это музыкантъ изъ оркестра, и былъ несказанно изумленъ, когда однажды услышалъ:

— Сто пятнадцать цистернъ отдали Семенову. Не обработанныя масла, которыя потяжелѣе, 47 к. пудъ. Потомъ, когда мы разговорились, оказалось, что онъ консерваторію кончилъ и играетъ на настоящей скрипкѣ Страдивариуса. Игралъ, игралъ, а потомъ сталъ нефтяными маслами торговать. Ну, скажите вы на милость, зачѣмъ человекъ, который торгуетъ нефтью, 8 лѣтъ изо дня въ день пилить на скрипкѣ и выйти съ аттестатомъ свободного художника?

Карьера представляется мнѣ въ видѣ правильной параболы, которую описываетъ человекъ на своемъ жизненномъ пути. У каждаго есть своя парабола, и на этомъ держится порядокъ. Но скачки, но перебѣжки, но полное равнодушіе къ своей параболѣ, проистекающее изъ убѣжденія, что всѣ дороги равно ведутъ въ Римъ, и что кратчайшій путь къ сытости и удовлетворенности животной природы есть путь единственно правильный и цѣлесообразный—это явленіе не только печальное, но и злобѣющее.

Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи наше время

Джемма Беллинчони въ „Сельской чести“. (Шаржъ). Рис. А. Любимова.

значительно шагнуло впередъ. Когда на студенческой скамьѣ мы зубрили: *jus publicum est quod ad utilitatem rei publicae pertinet, jus privatum quod* и т. д.—мы, конечно, знали, что, собственно говоря, героевъ между нами нѣтъ. Но было извѣстно, что тѣ, которымъ больше улыбаются «*jus publicum*» пойдутъ въ прокуроры, а тѣ, которымъ пріятнѣе «*jus privatum*», станутъ адвокатами. Но теперь я смотрю на юношу, долбящаго римское право, и рѣшительно ничего не могу сказать. Быть можетъ, онъ будетъ прокуроромъ, быть можетъ, податнымъ инспекторомъ, быть можетъ, будетъ дирижировать танцами въ благородномъ собраніи, возможно, что купить типографію, но весьма правдоподобно, что онъ откроетъ новый кафе-шантанъ при впаденіи Ждановки въ Карповку.

— *Jus publicum est...* механически повторяетъ онъ, но въ воспаленномъ мозгу у него совершенно ясно представляется картина. Устьѣ Карповки, чертогъ, сіяющій огнями, двадцать пѣвичекъ въ декольте ниже и выше всякой возможности, а кругомъ все богатые гости: Соломонидовъ, авторъ сборника «Жгучія рифмы», онъ же начальникъ отдѣленія общества транспортированія

кладей, и на прекрасномъ счету, предсѣдатель правленія криворожскихъ желѣзнодорожныхъ заводовъ ихтиологъ Пригубенковъ, живописецъ Карлъ Альбертъ, онъ же изобрѣтатель порошка для рощенія усовъ, и предсѣдатель комисіи по водоснабженію города, капельмейстеръ Готлибъ Сметана.

Но если вы хотите въ точности знать, что случилось съ параболой карьеры, посмотрите на женщинъ. Я не имѣю въ виду трудовой карьеры женщины. Эта карьера такъ не обезпечена, такъ тревожно обставлена, что беспорядочное метаніе на ней есть единственный удѣлъ трудящейся женщины. Но обыкновенно у женщинъ имѣются двѣ карьеры: одна—замужество, и другая—свободная любовь, иногда какъ главное содержаніе жизни, иногда же, какъ добавочное, мимолетное звено въ служеніи подражательнымъ искусствамъ. Вотъ, казалось, два пути, которые никогда не соприкасаются, а идутъ совершенно самостоятельно, какъ-бы утверждая и поддерживая социальный строй женщины.

Но съ нѣкоторыхъ поръ, я рѣшительно началъ теряться. Въ томъ же дачномъ вагонѣ часто ѣздила

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Мастеръ“ („Необыкновенный человекъ“).

Докторъ Ираши—г. Амальинъ.

Рис. М. Слѣяна.

со мной миловидная блондинка, причѣмъ ее всегда провожалъ учащійся юноша, съ немного угреватымъ лицомъ и съ нѣсколько согбеннымъ спиннымъ хребтомъ, должно быть, отъ «переутомленія учащихся», про которое такъ много пишутъ въ газетахъ. На прощаніе блондинка всегда высовывалась въ окно и говорила:

— Смотрите, повторите алгебру...

Иногда-же, когда бывала въ веселомъ настроеніи духа, выражалась такимъ образомъ:

— А забыли, чему равняется котангенсъ? Ну, то-то...

И потомъ неизмѣнно прибавляла:

— Аграфенъ сказано насчетъ ботвиньи. Только, чтобы непременно свѣжая осетрина. Павелъ Григорьевичъ не переноситъ соленой. Пожалуйста, не забудьте...

Я думалъ, что это молодая жена начальника отдѣленія, гимназистъ ея племянникъ, и что между прочимъ, она въ лунныя ночи специально занимается съ нимъ тригонометрією, а по утрамъ хозяйствомъ. И если меня что-либо поражало, такъ это то, что у нея было много знакомыхъ въ вагонѣ, и всегда вокругъ нея гремѣли палаши. И вдругъ... Ахъ, Боже мой, увѣряю васъ, что она во всякомъ случаѣ не занималась тригонометрією въ лунную ночь!

А на второмъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей я уже встрѣтилъ ее на кафедрѣ, съ которой она читала докладъ о необходимости оградить стыдливость актрисы отъ покушеній режиссеровъ. Волосы же у нея были явно выкрашены, и въ контрактахъ она писалась «героиня».

И тутъ же рядомъ другая картина. Сидятъ двѣ дамы, а напротивъ живописный мужчина лѣтъ 40, можетъ быть, предсѣдатель комиссіи по водоснабженію города, а можетъ быть, зубной врачъ—не разберешь.

— Ахъ, другъ мой, говорить довольно громко, такъ что я слышу каждое слово,—я недовольна, совсѣмъ недовольна. Вы знаете Лили?.. Какую она сдѣлала карьеру! Это чрезвычайно. Она каталась по набережной, и вотъ одинъ monsieur обратилъ на нее вниманіе. И она—mais il faut être folle comme elle—сдѣлала ему рукою такъ. Онъ подумалъ, что она такая... Ну, и прочее. Заинтересовала. Оказалось, вологжанинъ, знаете, это vingt fois millionnaire.

— Ну, и что-же? спрашиваетъ предсѣдатель комиссіи по водоразведенію, дѣлая сочувствующее и въ то-же время пыливое лицо.

Дама вздыхаетъ.

— Говорятъ, онъ отдѣлываетъ ей квартиру въ 100 тысячь.

Маленькая пауза. Дама смотритъ въ окно.

— Вы знаете, кѣмъ бы я хотѣла быть? говорить, наконецъ, она.

Предсѣдатель комиссіи по водорастворенію дѣлаетъ галантную улыбку и произноситъ:

— Мадамъ Роланъ? Рекамье? Жюльетой Аданъ, быть можетъ!

— Ахъ, нѣтъ, я хотѣла бы быть Отеро!

— Отеро?

— Да, Отеро... О, я бы показала! Вотъ это—жизнь! Vraiment, потому что у нея сила! Вамъ нравится моя шляпка? Модель отъ Bertrand, всего восемьдесятъ пять рублей. Правда, недорого? Вы понимаете, что мой gros bonnet въ этомъ ничего не смѣслить...

На Невскомъ я ее потомъ встрѣчалъ съ двумя хорошенькими мальчиками въ шотландскихъ панталонахъ. Одинъ будетъ аптекаремъ или саперомъ, другой

— Ш — НОВАЯ ОПЕРА. — Ш —

Г. Томаръ въ „Сельской чести“.

(Шаржъ). Рис. А. Любимова.

инженеромъ или баритонѣмъ. Gros bonnet еще ничего не рѣшилъ. Онъ взялъ привилегію на молоточки отъ насморка, но работы въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ отнимаютъ столько времени!.. Впрочемъ, это все равно. Но представьте мое изумленіе, когда въ одной «ново-греческой» опереткѣ я увидѣлъ ее съ разрывомъ «выше всякой возможности». Она пѣла довольно хриплымъ, и уже напоминавшимъ Отеро голосомъ:

Арригинальный мой кустюмъ
И богатый мой нарядъ...

Что могутъ внести въ жизнь театра случайныя, залетныя птицы? Для нихъ сцена—паденіе, уклонъ карьеры, къ которой они готовились сначала, судорожное барахтаніе выбитыхъ изъ нормальной колеи существованій. Они, по мѣткому выраженію Г. Г. Ге, именно «просачиваются» въ театръ сырыми душами и мокрыми отъ глупыхъ слезъ, глазами...

Номо novus.

ПИСЬМА ИЗЪ КІЕВА.

XLII.

Въ театральномъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, справедлива поговорка: „не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь“. Такой именно находкой для М. М. Борода и арендуемаго имъ театра общества грамотности, оказался, передѣланный для сцены г. Арбенинымъ, романъ Вс. Крестовскаго—„Петербургскія трущобы“. Про сценическую передѣлку можно сказать кратко: непонятно, но жалостно. И вотъ совокупность этихъ двухъ, казалось бы, не особенно замѣчательныхъ качествъ, сдѣлало его *piece* (позволимъ себѣ маленькую вольность) гвоздемъ сезона. Десять полныхъ сборовъ подрядъ. „Вы подумайте! На что ужъ Михаилъ Матвѣевичъ, бывалый человекъ, а и тотъ былъ приятно изумленъ. „Вотъ-съ пѣска. Казалось бы ничего особеннаго, а

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Мастеръ“. („Необыкновенный человекъ“),
пѣса Бара.

Мельхиоръ Дуръ
(г. Александровскій).

Сириусъ, ректоръ университета
(г. Викторѣвъ).

(Шаржи). Рис. М. Демьянова.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Мастеръ“. („Необыкновенный человекъ“),
пѣса Бара.

Кай Дуръ (г. Гардинъ).

Д-ръ Бальзамъ
(г. Слоновъ).

(Шаржи). Рис. А. Любимова.

вотъ-съ публикѣ нравится... Да-съ"... Критика была слегка сконфужена. Пѣса явно сумбузна и цѣна ей переломаный грошъ, это ясно. Съ другой стороны, однако, „лестное вниманіе публики“ всѣхъ общественныхъ классовъ и состояній... Что сей сонъ означаетъ? Исполненіе, быть можетъ, было, какъ пишутъ въ рецензіяхъ, „выдающееся“? Откровенно говоря, не замѣтилъ. Да и откуда ему взяться, выдающемуся-то исполненію, коли въ пѣсѣ ни характеровъ, ни положеній, а просто какой-то конгломератъ уголовно наказуемыхъ эпизодовъ, не приведенныхъ между собою даже въ формально причинную связь... Гораздо больше пересказа, чѣмъ дѣйствія, намѣренія, чѣмъ исполненія. Развѣ что, краски ярки и густы, какъ въ лубочныхъ иллюстраціяхъ русско-японской войны... Единственно, что въ постановкѣ „Петербургскихъ трущобъ“ понравилось лично мнѣ,—это декорация г. Мягкова—„Зимній видъ на Фонтанку, нарисованная съ превосходной воздушной перспективой. Словомъ, дѣла этого театра, видимо, поправились и, надо думать, что г. Бородай оставитъ его за собой и на будущій сезонъ. Последней новинкой въ названномъ театрѣ оказалась передѣлка извѣстнаго романа Генрика Сенкевича—„Меченосцы“, обращеннаго въ сценическое произведеніе нѣкимъ Адольфомъ Валевскимъ подъ названіемъ: „Збышко и Даннуся“. На русскій языкъ это произведеніе польскаго Арбенина перевелъ А. Френкель. „Меченосцы“—произведеніе чисто эпическое, дѣйствіе въ нихъ развивается среди огромныхъ массъ, дѣйствующихъ въ пространствѣ и времени, не укладывающихся въ рамкахъ театральнаго спектакля. Романъ Збышко и Даннуся символиченъ, лишенъ интриги и страсти и въ общемъ планѣ произведенія талантливаго польскаго романиста занимаетъ весьма скромное мѣсто. Даннуся—поэтический образъ, а не живое лицо. Въ сценической передѣлкѣ искусственность любовной интриги обнаруживается совершенно наглядно, и Даннуся, хотя и стоитъ въ заголовкѣ пѣсы, занимаетъ тѣмъ не менѣе въ ней весьма скромную роль и появляется мелькомъ и ненадолго. Все содержаніе заполняется сценами, быть можетъ, и не лишеными интереса, но имѣющими по отношенію къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ весьма проблематическое отношеніе. Особеннаго успѣха пѣса не имѣла.

Въ театрѣ „Соловцовъ“, наоборотъ, никакъ не могутъ напастъ на пьесу, дѣлающую сборы. Какъ ни старается администрація названнаго театра краснорѣчиво расписывать въ анонсахъ заманчивость предлагаемыхъ зрѣлищъ, а публика не идетъ ни на какія приманки... И уже на второмъ (увыл. даже на второмъ...) представленіи въ театрѣ довольно таки пусто. Я не говорю о бенефисныхъ пьесахъ, имъ за скороспѣлость, быть можетъ, и по всей справедливости суждена подобная участь, но спеціальныя постановки. Возьмемъ для примѣра „Марію Терезію“ фонъ Шентана. Пьесу спеціально готовили, за мѣсяцъ, если не раньше, разсылались анонсы, въ которыхъ едва ли не стихами расписывались красоты предстоящаго зрѣлища и вообще ожидающіе почтеннѣйшую публику эстетическіе восторги: даже бутылочныя этикетки были привлечены къ дѣлу искусства. Въ Вѣнѣ пьеса выдержала болѣе 200 представлений... и все тщетно. На первомъ-же представленіи ложи грустно пустовали... Что подѣлаешь съ такой публикой, на которую даже примѣръ просвѣщенной Вѣны не производитъ впечатлѣнія. Изъ всѣхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи дирекціи драматическаго театра, она не прибѣгаетъ лишь къ одному: умѣнно красиво, то есть умно и стильно поставить выбранную пьесу... Я не прибавляю „и талантливо ее сыграть“, такъ какъ послѣднее сплошь и рядомъ бываетъ и въ пьесахъ, поставленныхъ небрежно и плохо. Такъ и въ разбираемомъ случаѣ: г. жа Дарьяль—Марія Терезія и г. Орловъ—Чужбининъ—Францъ Стефанъ сыграли свои роли съ большимъ одушевленіемъ и талантомъ.

Въ числѣ послѣднихъ новинокъ на сценѣ театра „Соловцовъ“ были поставлены „Побѣдитель“ Ев. Карпова и „Сегодня“ Вл. Трахтенберга. Въ „Побѣдитель“ отлично сыграла роль героини г. жа Ильнарская, отъ которой подобной прити никто и не ожидалъ. Въ „Сегодня“ она-же играла Дору, но съ гораздо меньшимъ успѣхомъ. Да и самая пьеса, говоря откровенно, произвела смутное впечатлѣніе. На горизонтѣ „Дачники“ М. Горькаго. Самой послѣдней театральною злобой служить пущенный „Кіевляниномъ“ слухъ о томъ, что театрѣ „Соловцовъ“ уходитъ изъ рукъ М. М. Глѣбовой, срокъ контракта съ которой истекаетъ въ будущемъ 1905-мъ году. Театрѣ, якобы, оставляетъ за собой владѣлецъ—Л. И. Бродскій, который будетъ „вести дѣло лично“, не стѣсняясь расходами и не интересуясь доходами... Каково! Что-го плохо вѣрится... Ибо кто-кто, а Левъ Израилевичъ Бродскій очень мало похожъ на Лоренцо Великолѣпнаго... А впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутить.

Н. Николаевъ.

ЗАМѢТКИ УПОЛНОМОЧЕННАГО.

Уже имѣлъ случай замѣтить, что желательный результатъ для театральнаго предпринимателя, ежели театрѣ въ общемъ дастъ поль-сбора. Снимая театрѣ, узнавъ его вмѣстимость по обыкновеннымъ цѣнамъ, дѣлать это пополамъ, множатъ на число спектаклей, и на основаніи полученной суммы строится дѣло. Достигнута въ сезонѣ эта сумма—хорошо; недоборъ, значитъ убытокъ. Наполненіе театра въ провинціи неравномѣрное: новая, интересная пьеса—хорошій сборъ; тоже въ бенефисъ любимыхъ артистовъ. У „идоловъ“ сборы переполнены, переполнены они и въ большіе праздники. Слабы сборы по понедѣльникамъ, субботахъ, наканунѣ праздниковъ. Однимъ сборомъ пополняется другой,—въ общемъ поль-театра. Въ тѣ спектакли, когда сборы полны, дорого каждое мѣстечко. Посчитайте-же, сколько у насъ въ провинціи отводятся бесплатныхъ мѣстъ и слѣдуетъ ли всѣмъ тѣмъ, кого я перечислю, отводить таковыя.

До сихъ поръ я зналъ, что узаконено два мѣста: полицеймейстеру (1 рядъ) и дежурному полицейскому чиновнику (7 рядъ); оба мѣста крайнія, любимыя публикой. Кромѣ этого отводятся мѣста: въ 1 ряду агенту драматическаго общества, во 2-мъ ряду по два мѣста для представителей трехъ мѣстныхъ газетъ, уполномоченному Театральному Обществу, агенту союза драматическихъ писателей, доктору, въ 4 ряду 2 мѣста директору электрической станціи (это входитъ въ обязательство, кромѣ платы 25 р. за освѣщеніе за каждый спектакль), въ 14 ряду 5 мѣстъ надзирателямъ учебныхъ заведеній. Желательно было бы мнѣ услышать мнѣніе компетентныхъ людей: должна ли быть отводима ложа для губернатора или градоначальника, и лучшая въ театрѣ? Кромѣ мѣстъ въ первомъ ряду, нужно ли отводить постоянную ложу семьѣ полицеймейстера? Должна ли быть отводима мѣста въ 1 ряду помощнику полицеймейстера, жандармскому офицеру, воинскому начальнику, начальнику порта? Слѣдуетъ ли представителямъ газетъ (мѣстныхъ) отводить по два мѣста? Развѣ замѣтки и рецензіи о театрѣ пишутся въ 4 руки? Нуженъ ли театральній врачъ, развѣ онъ специалистъ по ушнымъ и носовымъ болѣзнямъ?

За что 2 мѣста директору электрической станціи? Развѣ въ иномъ случаѣ онъ не станеть давать энергію? Наконецъ, 5 мѣстъ

надзирателямъ учебныхъ заведеній? Развѣ одинъ не могъ бы съ этимъ дѣломъ справиться? Курьезно, что требуютъ отводить мѣсто надзирателямъ даже тѣхъ учебныхъ заведеній, воспитанникамъ которыхъ запрещенъ входъ въ театрѣ. Если запрещено хожденіе въ театрѣ, не лучше ли стоять у входовъ таковой и не пускать туда учениковъ, чѣмъ занимать бесплатно мѣсто?

Слѣдуетъ ли давать по первому требованію начальства десятки мѣстъ для полицейскихъ сыщиковъ?

Кромѣ перечисленнаго, по доброй волѣ антрепренера, отводятся мѣста: корреспонденту нашего журнала, и еще кому-то. Если изъ перечисленнаго только 6 мѣстъ партера и 2 ложи отведены безъ должнаго основанія, а мѣсты эти во время полныхъ сборовъ въ большемъ требованіи, если полныхъ сборовъ изъ 180 спектаклей въ сезонѣ только 25, тогда предприниматель теряетъ каждый сезонъ 1000 руб.

Справедливо-ли это?

Старый уполномоченный.

ПО РОССИИ.

(Путевыя впечатлѣнія).

III—Вильна.

2.

Лучшія времена виленскій театрѣ переживалъ, когда антрепренерствовалъ К. Н. Незлобинъ. Недурно началъ послѣ него В. И. Никулинъ, но когда у него начались недоразумѣнія съ г. Слезкинымъ и прочей виленской администраціей, дѣло пошло хуже. При слѣдующемъ антрепренерѣ—П. П. Струйскомъ виленскій театрѣ не особенно процвѣталъ, но все-таки Совѣтъ, вѣдающій театромъ не имѣлъ основанія лишать г. Струйскаго субсидій. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ мѣстные старожилы—театралы. Совѣтъ главнымъ образомъ обвинялъ г. Струйскаго въ томъ, что онъ велъ бессистемный репертуаръ. Но г. Струйскій ставилъ то, что требовалъ Совѣтъ: въ репертуарѣ преобладали, съ одной стороны, фарсы и комедіи, а съ другой—пьесы приторно-патріотическія, не только одобряемыя, но и поощряемыя г. виленскими театральными администраторами.

Кстати еще о Совѣтѣ. Характерно то, что почти всѣ антрепренеры кончали свою дѣятельность въ Вильнѣ возбужденіемъ процессовъ противъ Совѣта и вообще лицъ, вводящихъ виленскій театрѣ. Такъ было съ г. Никулинымъ. То же случилось и съ г. Струйскимъ. И что самое главное: судъ во всѣхъ случаяхъ становится на сторону антрепренеровъ, а не Совѣта. В. И. Никулинъ выигралъ процессъ въ первыхъ инстанціяхъ, а у П. П. Струйскаго дѣло пошло на столько хорошо, что Совѣтъ успѣшилъ покончить съ нимъ миромъ.

Въ нынѣшнемъ сезонѣ въ Вильнѣ антрепренерствуеъ И. Э. Дуванъ - Торцовъ. Г. Дуванъ - Торцовъ впервые появляется въ роли антрепренера. Онъ взялся за антрепризу не ради наживы, а потому что любить дѣло. Но ему съ самаго начала, что называется, не повезло. Труппу онъ составилъ изъ 40 человекъ, надѣясь эксплуатировать два театра—старый и новый. Какъ извѣстно, новый театрѣ сгорѣлъ за нѣсколько дней до открытія. Въ немъ сгорѣли также декорации и костюмы г. Дувана. Пропали пять тысячъ руб., внесенныхъ, ввидѣ задатка, владѣльцу театра г. Смаженевичу. Главная же бѣда заключалась въ томъ, что играть было негдѣ, ибо въ старомъ—неуютномъ, грязномъ, невмѣстительномъ (полный сборъ около 400 р.)—театрѣ съ такой громадной для провинціального дѣла труппой дѣлать нечего. Г. Дуванъ въ силу форсе таже не могъ бы распустить труппу. Но молодой антрепренеръ не захотѣлъ оставить безъ куска хлѣба 40 человекъ. На другой день послѣ пожара онъ пригласилъ всю труппу къ себѣ. Встревожненные артисты уже было рѣшили, что г. Дуванъ ихъ собираетъ для того, чтобы покончить счеты. Но г. Дуванъ предложилъ имъ, ввиду понесенныхъ имъ убытковъ, только нѣсколько посбавить оклады. Артисты, конечно, съ радостью согласились. Проходитъ еще день. Г. Дуванъ опять собираетъ труппу. Всѣ снова волнуются, предполагая, что послѣ зрѣлаго размышленія г. Дуванъ нашелъ и такую комбинацію для себя невыгодной.

— Господа, заявляетъ г. Дуванъ-Торцовъ,—я долго думалъ и вотъ что придумалъ: пусть все остается по-старому, безъ всякихъ сбавокъ съ жалованья,—такъ, какъ мы заранѣе условились. Вы ни въ чемъ не виноваты, я—тоже. Но я одинъ, а васъ много, и пусть ужъ лучше я одинъ понесу всѣ послѣдствія несчастья, приключившагося съ нами.

Благородный поступокъ г. Дувана не нуждается въ комментаріяхъ.

Начался сезонъ. Опять неудача за неудачей. И отчасти виновъ самого антрепренера. Какъ новичекъ въ театральномъ дѣлѣ, онъ составилъ труппу большую, но не очень сильную, а главное, неполную: на нѣкоторыя амплуа по нѣсколько исполнителей, на нѣкоторыя же—ни одного. Затѣмъ г. Дуванъ не достаточенъ ознакомился со вкусами мѣстной публики. Первое время театрѣ пустовалъ главнымъ образомъ именно потому, что ставились пьесы, не интересующія мѣстную публику. При-

бавьте къ этому тѣ стѣсненія, при которыхъ, благодаря „особой“ цензурѣ г. полицейстера и требованіямъ Совѣта, приходится работать антрепренеру въ Вильнѣ.

— Столько было свѣтлыхъ надеждъ, рассказывалъ мнѣ г. Дуванъ-Торцовъ, столько плановъ роилось въ головѣ, — и вдругъ однѣ неудачи! Просто руки опускаются!... Вотъ, напр., завтра ставлю „Катюшу Маслову“, — ставлю съ болью въ сердцѣ, а ничего не подѣлаешь: наша публика только такія пьесы да мелодрамы и любить. Я пробовалъ бороться, хотѣлъ приучить къ другому репертуару, да ничего не вышло. Грустно!..

И точно: грустно и обидно даже со стороны! Больно за молодого антрепренера, взявшагося за театральное дѣло съ самими благими намѣреніями, вѣровавшаго въ него, надѣявшагося принести пользу. Годъ-другой такихъ неудачъ — и г. Дуванъ-Торцовъ конечно броситъ антрепризу, и въ театральной провинціи станеть однимъ идейнымъ, располагающимъ къ тому же достаточными средствами, работникомъ меньше. А вѣдь ихъ и такъ немного: можно по пальцамъ пересчитать!..

Мнѣ пришлось посмотреть въ исполненіи труппы г. Дувана-Торцова только два спектакля: первый — „На хлѣбахъ изъ милости“ и „Дамская болтовня“ (бенефисъ режиссера Е. Ф. Боура) и второй „Катюша Маслова“. Дальше слѣдовалъ рядъ повтореній „Катюши Масловой“ и оставаться въ Вильнѣ не было смысла.

По двумъ спектаклямъ, конечно, трудно судить о труппѣ, — тѣмъ болѣе, что больше половины артистовъ я и не видалъ совсѣмъ. Но отъ того, что мнѣ удалось посмотреть, впечатлѣніе сѣреннее. Обставлены были спектакли съ режиссерской и внѣшней стороны — старательно, но нельзя сказать чтобы блестяще. Въ пьесѣ г. Крылова „На хлѣбахъ изъ милости“ выдѣлялся г. Боуръ. Это комикъ — въ стилѣ покойнаго А. М. Горина-Горайнова. Манеры тѣ же, тотъ же тяжеловатый, но по своему характерный юморъ, то же стараніе въ отдѣлкѣ деталей. На протяженіи всей роли (г. Боуръ игралъ Виницына) я не замѣтилъ ни одного грубого штриха, ни одного балаганнаго „кренделя“ или фортеля.

Хорошія внѣшнія и голосовыя данныя у г. Вересанова, но онъ, повидимому, совсѣмъ неопытенъ да и въ роли не былъ твердъ. Молодая артистка — г-жа Можанская — недурно ведетъ спокойный діалогъ, но не справляется съ переходами отъ одного настроенія къ другому. Хорошій простакъ г. Зиновьевъ, игравшій въ пьесѣ Крылова Савушку. Его же я видалъ: въ „Катюшѣ Масловой“ въ роли... Тараса, котораго въ Петербургѣ играетъ К. Яковлевъ. Несмотря на то, что роль совсѣмъ не подходитъ къ даннымъ артиста, онъ все-таки справился съ ней довольно удовлетворительно. Много общается г-жа Валентинова (Лиза въ „На хлѣбахъ“ и Рогожская въ „Катюшѣ Масловой“). Благодарный голосъ, много живости и искренности, но совсѣмъ мало знакомства со сценой. Старуха г-жа Алченская показала мнѣ нѣсколько однообразной. Г. Марковскій — съ достаточно прочившейся репутацией въ провинціи (игралъ въ Петербургѣ — въ Василеостровскомъ театрѣ и въ театрѣ Невскаго Общества). По тону напоминаетъ своего брата — петербуржца С. А. Свѣтлова.

Въ „Дамской болтовнѣ“ въ роли Валентины Михайловны играла г-жа Стрѣшневая. Я ее помню по лѣтнимъ петербургскимъ театрамъ, въ которыхъ она служила нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда она мнѣ въ роляхъ ingenue comique очень нравилась. Въ „Дамской болтовнѣ“ она была грубовата.

Прекрасная „Катюша Маслова“ г-жа Петрова. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценахъ она мнѣ понравилась много больше петербургскихъ исполнительницъ той же роли. Въ общемъ, однако, роль не вездѣ выдержана. Такая благодарная сцена, какъ сцена свиданія съ Нехлюдовымъ въ тюрьмѣ, совсѣмъ не удалась артисткѣ.

Нехлюдовъ — г. Карамазовъ. Очень сожалѣю, что пришлось увидѣть артиста въ роли, неподходящей для его внѣшнихъ данныхъ. Повидимому, у него много нервовъ и чувствуются временами проблески большого темперамента. Во всякомъ случаѣ, Нехлюдова онъ передалъ съ гораздо большей теплотой, чѣмъ петербургскіе исполнители.

Съ достоинствомъ держался въ роли Рогожскаго г. Рахмановъ.

Вотъ и все, что я могу сказать объ отдѣльныхъ силахъ труппы. Остальныхъ я или не видалъ совсѣмъ, или же смотрѣлъ въ слишкомъ незначительныхъ роляхъ.

3.

Далеко ли отъ Риги до Вильны, а между тѣмъ какая разница во вкусахъ публики и ея отношеніи къ театру!.. Русская публика смотритъ спектакль — словно священнодѣйствуетъ. Ничего подобнаго — въ настроеніи виленской публики. Когда я попалъ въ виленскій театръ, я себя почувствовалъ также, какъ чувствую въ кафешантанахъ средней руки. Не самый спектакль тутъ виною, но постановка дѣла, а какая-то специфическая атмосфера, царящая въ зрительномъ залѣ. Чѣмъ-то игриво-легкомысленнымъ, какой-то первобытною грубостью отдаетъ и отъ замѣчаній публики, и отъ дикаго хохота тамъ,

гдѣ плакать хочется. Вотъ публика, которая смотрѣла „Катюшу Маслову“. Начнемъ съ партера. Нѣсколько офицеровъ, съ десятокъ полицейскихъ, а затѣмъ — чиновники съ своими супругами, разодѣтыми въ красные и пестрые костюмы. Не мало кокотокъ, — будущихъ или настоящихъ Катюшъ Масловыхъ. И все это перешептывается, переговаривается, шумитъ и бурлитъ. Ни минуты вниманія или увлеченія. Все, что происходитъ на сценѣ, интересуетъ ихъ въ весьма малой степени. Иное дѣло, когда дерутся арестантки. О, тутъ вся публика насторожилась!.. Еще бы, вѣдь это такъ естественно, такъ натурально, а быть можетъ и такъ... знакомо.

Еще болѣе грустное впечатлѣніе производитъ публика „верховъ“. Совсѣмъ филиальное отдѣленіе въ своемъ родѣ знаменитой не только въ Вильнѣ, но и по всему западному краю еврейской улицы.

Нѣсколько иная картина получается, когда идутъ пьесы серьезныя. „Верхи“ пустуютъ, а партеръ заполняется наполовину. На серьезныя пьесы, впрочемъ, ходятъ почти исключительно состоятельные евреи. Въ Ригѣ преобладаетъ еврейскій пролетариатъ. Богатыхъ и интеллигентныхъ евреевъ немного. Немудрено потому, что обстановочныя и вродѣ „Катюши Масловой“ пьесы посѣщаются охотнѣе въ Вильнѣ, чѣмъ въ Ригѣ.

Поляки почти совсѣмъ не посѣщаютъ русскаго театра. Во-первыхъ, виленскіе поляки больше любятъ оперетку, а во-вторыхъ, они не идутъ въ русскій театръ „принципально“. Вообще мнѣ думается, что русскій театръ дѣлаетъ такъ мало въ смыслѣ обрусѣнія Западнаго края именно потому, что ему слишкомъ явно и нарочито навязали роль, не совсѣмъ ему свойственную. Конечно, театръ можетъ способствовать обрусѣнію края, можетъ объединить разрозненные элементы, но не слѣдуетъ это такъ явно подчеркивать, наклеивать на него обрусительный ярлычекъ, какъ это дѣлается въ Вильнѣ. Это только озлобляетъ, возстановляетъ тѣхъ, кого хотятъ привлечь въ театръ. Пусть театръ дѣлаетъ свое дѣло, несетъ культурную миссію тихо, безъ шума и предвзятости въ репертуарѣ. Когда поляки привыкнутъ смотрѣть на театръ какъ на театръ, а не какъ на учрежденіе, которое будто бы должно придурить ихъ национальность, — они пойдутъ въ театръ и тогда само собой случится то, чего такъ добиваются гг. обрусители.

Говорятъ, что русско-польская партія какъ-то хлопотала о разрѣшеніи открыть въ Вильнѣ русско-польскій театръ, т. е. театръ, въ которомъ бы давались и русскія и польскія пьесы, но въ этомъ ходатайствѣ было отказано. *Вл. Липскій.*

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТАМБОВЪ. Поставили въ нашемъ театрѣ „Вишневый садъ“. Напечатаны широкоформатныя афиши, въ коихъ дирекція общала, кромѣ самой пьесы, очень много диковиннаго: и чтеніе біографіи Чехова, и живыя картины, и даже раздача портретовъ Чехова. Дирекціи надлежало бы съ большею осторожностью подходить къ памяти писателя. Пошла бы публика ради самой пьесы, только бы тщательно поставили ее, не нужно было бы прибѣгать къ роздачѣ открытокъ писемъ съ портретомъ Чехова, гдѣ тутъ же любознательные читатели могли бы узнать, что директоромъ труппы состоитъ г. Инсаровъ, а администраторомъ г. Половцевъ. Не нужно было бы ставить въ фойѣ театра какую-то сторожевую будку, носившую громкое названіе „видъ дома А. П. Чехова“... Наконецъ, и это самое главное, — не нужно было бы изображать загримированнаго А. П. Чехова въ лицѣ одного изъ артистовъ... Словомъ, нужно было бы побольше такта и уваженія къ памяти дорогаго писателя.

Впечатлѣнія, увы, пьеса не произвела... Лучше другихъ были г-жа Троицкая и г. Алякринскій (Раневская и Леонидъ) (Петя) г. Горсткинъ игралъ очень старательно, но именно это и портило дѣло. Слишкомъ суетился и вертѣлся на первомъ планѣ Фирсъ. Епиходовъ — прекрасная, типичная фигура. У г. Инсарова получился скорѣе развѣшенный купчикъ. Влѣдную фигуру далъ г. Юрьевъ въ роли Яши. Кто былъ типиченъ — такъ это г. Сатинъ въ роли Симеона-Пищика.

Цѣль настоящей замѣтки вовсе не обезкуражить артистовъ нашей труппы, задача наша указать артистамъ, къ какому серьезнымъ вешамъ надо и подходить съ болѣе тщательною подготовкою. Мимоходомъ: шкафъ, къ которому обращаются съ рѣчью, очень мало напоминалъ почтенную древность стариннаго дворянскаго рода. Какъ онъ одинъ фигурировалъ до сихъ поръ въ самыхъ разнообразныхъ пьесахъ, такъ и тутъ сошелъ за древность.

„Хрущевскіе помѣщики“ шли въ бенефисъ режиссера труппы г. Алякринскаго. Бенефициантъ игралъ роль Семки, и доставилъ истинное удовольствіе публикѣ; въ роли Глаши выступила новая артистка — г-жа Ледковская, повидимому, недурная бытовая актриса. Г. Алякринскій былъ предметомъ горячихъ рукоплесканій. Г. Алякринскаго любятъ и всегда съ удо-

вольствиемъ встрѣчаютъ даже въ самой незначительной роли. Г-жа Ледковская роль Глаши провела художественно. Хорошо на этотъ разъ былъ г. Половцевъ (г. Недососовъ). Безъ подчеркиванія артистъ далъ типъ кулака, слѣдуетъ отмѣтить удачное исполненіе небольшой роли Матрены молодою артисткою г-жею Барановою. Хороши были гг. Сатинъ и Юрьевъ. Г. Алякринскому былъ поданъ изъ публики подарокъ.

Н. К.

НИКОЛАЕВЪ. Труппа Шеффера дѣлаетъ хорошіе сборы. Въ труппѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Г. Ланской (главный режиссеръ) отказался отъ режиссирования, вслѣдствіе несогласія съ антрепренеромъ; его замѣнилъ г. Тунковъ; приглашенъ резонеръ г. Разсудовъ Кулябко и грандамъ г-жа Андреева-Любавина. Труппа пользуется успѣхомъ. Изъ женскаго персонала выдѣляются г-жи Шателенъ и Тугаринова; г-жа Невѣрова — очень интересная актриса (Лиза „Горе отъ ума“, Гайоне „Измѣна“, горничная „Вишневый садъ“, Даша „Внѣ жизни“ и мн. др.). Отмѣчу еще г-жъ Мирскую и Антонову какъ полезныхъ и весьма способныхъ труженицъ нашей труппы; первая дублируетъ г-жъ Шателенъ и Тугаринову, а вторая играетъ бытовые роли. Изъ мужскаго персонала пальмою первенства слѣдуетъ отдать г-ну Ланскому. Актёръ интересный, умный и оригинальный. Гедике — въ роляхъ неврасцениковъ пользуется успѣхомъ. Уг. Разсудова Кулябко игра всегда строго продуманна (Гриня „Защитникъ“, Потемкинъ „Измаилъ“, Гаевъ „Вишневый садъ“, Фламбо „Орленокъ“, отецъ Гайоне „Измѣна“ и др.). Г. Литвиновъ недурной молодой проstackъ. Г. Лихтеръ хорошей характерной комикъ. Необходимо выдѣлить и г. Лазарева (комикъ-резонеръ). Въ труппѣ еще есть г. Терченко и, повидимому, интересный актёръ, но почему-то рѣдко выступающій. Хорошій Яковъ („Внѣ жизни“).

Началась серия бенефисовъ: первымъ прошелъ бенефисъ г-жи Шателенъ „Орленокъ“ (матеріальный и художественный успѣхъ). Вторымъ — г-на Гедике „Ради счастья“ (сборъ средней), третьимъ г. Ланского „Гамлетъ“. Сборъ былъ хорошій. Масса подношеній. За первый мѣсяцъ взято около 7 тысячъ, а за второй около 10.000.

Эс.

ПЕНЗА. Зимній сезонъ. Составъ труппы г-на Борисловскаго: г-жи Леонтьева, Зилова, Леонова, Стоянова, Шастанъ, Налина, Де-Брюксъ, Велинская, Багрова, Галли и др. Г-г. Константиновъ, Николаевъ, Херсонскій, Успенскій, Леоновъ, Волховской, Ватинъ, Ермоловъ, Моревъ и др. Режиссеръ г-нъ Херсонскій, Помощникъ г-нъ Полозовъ, суфлеръ г-нъ Жуковъ. Открытіе сезона состоялось 1-го октября, поставлено было „Чужіе“ и „Какъ они бросили курить“. Затѣмъ шли: „Сильные и слабые“, „Красная мантия“, „Блудный сынъ“, „Сестра милосердія“, „Горный туристъ“, „Ольгинъ день“ (2 р.), „Ревизоръ“, „Измѣна“ (2 р.), „На порогѣ къ дѣлу“, „Безъ солнца“, „Городскіе Стервятники“, „Благодѣтели человѣчества“, „Хрущовскіе помѣщики“, (бенеф. Херсонскаго) „Измаилъ“, „Хлѣба и зрѣлищъ“, „Безъ колокольнаго звона“, „Завѣтная мечта“, „Каторжники“, „Колдуны“, „Клятвopеступникъ“, „Разгромъ“, „Плоды просвѣщенія“, „Обвиняемая“, „Акробаты“ (бенеф. Зиловой), „Смерть Пазухина“, „Катюша Маслова“, (2 раза), „Блуждающіе огни“, „Парижскіе нищие“, „Отецъ“, „Материнская любовь“, „Забава Путятишна“, „Замѣстительницы“ (бенеф. Успенскаго), „Сестра Тереза“, „Откуда сыръ боръ загорѣлся“, „Соколы и вороны“.

Изъ женскаго персонала выдѣляются и пользуются успѣхомъ: г-жа Леонтьева (героиня) и г-жа Зилова (ing. dram.); г-жа Стоянова — артистка способная и полезная, но рѣдко выступающая въ отвѣтственныхъ роляхъ. — Изъ мужскаго персонала обращаютъ вниманіе: Г-г. Константиновъ, Херсонскій, Леоновъ и Успенскій. Г. Ватинъ — актёръ молодой, еще очень неопытный, но не безъ способностей.

Г-нъ Константиновъ, какъ прапорщикъ запаса, призванъ на военную службу. Заболѣвшій г-на Николаева замѣнилъ вновь приглашенный г-нъ Нарскій. Изъ прошедшихъ бенефисовъ удачнымъ былъ только бенефисъ г-жи Зиловой.

Сборы, кромѣ субботъ (учен.) и праздниковъ очень слабые. Для усиленія сборовъ дирекціей были приглашены бр. Адельгеймъ съ 5-го ноября по 22. Съ ихъ участіемъ прошли: „Казнь“ (4 раза), „Кинъ“, „Уриель Акоста“, Кручина“, „Шейлокъ“, „Отелло“, „Разбойники“, „Новый мѣръ“, „Трильби“ и „Гамлетъ“.

П.—ъ.

ТИРАСПОЛЬ. 21 декабря по городу были расклеены афиши, которыя гласили, что 6-го декабря въ театрѣ общественаго собранія одесской драматической труппы при участіи артистки Императорскихъ театровъ Вѣры Леонидовны Юрениной будетъ поставлена пьеса „Ради счастья“ Пшебышевскаго подъ личнымъ руководствомъ переводчика Ал. Вознесенскаго. Довѣрчивая публика переполнила театръ, полагая, что труппа состоитъ изъ артистовъ труппы Сибирякова или Долинова (на афишахъ именъ исполнителей обозначено не было). На дѣлѣ оказалось, что антуражъ г-жи Юрениной составленъ изъ артистовъ, которые и по сценѣ ходитъ не умѣютъ. Но интереснѣе всего то, что роль Млицкаго изображалъ г. Ал. Вознесенскій, переводчикъ произведенія Пшебышевскаго, тотъ самый г. Вознесенскій, который при одномъ изъ одесскихъ театровъ занималъ довольно неопредѣленную должность „лите-

атурнаго секретаря“. Своей безпомощной и жалкой игрой г. Вознесенскій вызывалъ все время смѣхъ въ публикѣ. Не далеко отъ него ушли и остальные артисты. Мы окончательно утверждаемъ, что подобнаго исполненія никогда не видѣли ни Тетюши, ни Царевококшайскъ. Мы удивляемся г-жѣ Юрениной, артисткѣ молодой, которой карьера еще впереди, что она позволяетъ себѣ такъ глумиться надъ публикой; этимъ она губитъ не только себя, но и театральное дѣло; публика перестаетъ вѣрить въ афиши и анонсы и часто труппы вполне добросовѣстныя не имѣютъ вначалѣ сборовъ, пока публика не убѣдится, что ее не обманываютъ. Такъ наприм., 7 декабря былъ назначенъ спектакль артистовъ труппы Петросьяна изъ Кишинева, шло „Золотое Руно“ подъ личнымъ режиссерствомъ Пшебышевскаго и сборъ не достигъ и 100 рублей, потому что публика, возмущенная спектаклемъ 6-го декабря, потеряла всякую вѣру. Между тѣмъ спектакль прошелъ хорошо и жаль было смотрѣть на автора, сидѣвшаго въ пустомъ залѣ.

Х. У.

УМАНЬ. Съ открытіемъ у насъ Литературно-художественнаго кружка музыкальная жизнь нашего города оживилась. Концерты и спектакли, устраиваемые кружкомъ въ своемъ помѣщеніи, охотно посѣщаются публикой и проходятъ удачно, благодаря участію въ нихъ лучшихъ силъ, какъ специалистовъ, такъ и любителей нашего города.

Недавно къ намъ заѣхалъ со своей труппой г. Орленевъ на одинъ спектакль; петербургская пѣвица г-жа Барбарова дала свой концертъ при участіи молодой скрипачки, ученицы мѣстной музыкальной школы Л. Маринштраусъ. Г-жа Барбарова очень понравилась публикѣ. Окончившій мѣстную музыкальную школу по кл. скрипки директора школы Л. Куцына, молодой скрипачъ Д. Айзенбергъ далъ свой концертъ въ городскомъ театрѣ при участіи преподавательницы музык. школы Е. Н. Пышной (фортепiano) и оркестра подъ управленіемъ Л. Г. Куцына. Концертъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ прошелъ очень удачно. Мѣстные пианисты г-жа Дашевская и г. Бродскій дали свой Clavier Abend, который привлекъ довольно много публики. Первый ученическій вечеръ въ этомъ сезонѣ въ музыкальной школѣ прошелъ при переполненномъ залѣ и по словамъ „Уманскаго Листка“ публика устроила бурную овацію представителямъ школы. Наконецъ на такъ называемыхъ „кружковыхъ“ вечерахъ въ Литературно-художественномъ кружкѣ выступаютъ молодая сила“, въ томъ числѣ и учащіеся высшихъ курсовъ въ музыкальной школѣ. Жаль только, что театръ нашъ въ зимнемъ сезонѣ всегда почти пустуетъ. Это объясняется тѣмъ, что зданіе театра не особенно удобно для постановки спектаклей.

Всѣмъ.

ИРКУТСКЪ. Театръ есть школа, гласитъ современный театралъный критикъ. Но школы бываютъ разныя. Послѣ лѣтняго безшабашнаго фарса, г-жа Свѣтлова затѣяла ставить драматическіе спектакли въ залѣ Общественнаго Собранія. На серьезныя пьесы публика не идетъ, въ исполненіи труппы г-жи Свѣтловой. И вотъ тутъ-то г-жа Свѣтлова сначала стала давать спектакли, въ родѣ „Падшіе“ и „Ночь г-жи Левалуа“ — въ одинъ вечеръ. А когда и это не помогло, для усиленія сборовъ было пушено „Обозрѣніе“, тоже — „Наша жизнь“, тоже „Тайны нашего города“. Конечно, впередъ можно было предвидѣть, что публика изъ любопытства наполнитъ залъ. Сплошная скабрёзность, канканъ, какъ-уокъ. Публика возмущалась, шкала и свистѣла, хотя, конечно, были и охотники, поаплодировать. А что еще удивительнѣе — рецензентъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ не находитъ, чтобы актеры въ этотъ спектакль допустили какія нибудь скабрёзности и упрекаетъ публику за то, что она не ходитъ на хорошія пьесы.

Иркутскій.

БУЗУЛУКЪ, Самар. губер. За пятилѣтній періодъ существованія, въ Народномъ театрѣ попечительства о народной трезвости, время отъ времени ставились спектакли мѣстными любителями да изрѣдка заѣзжали на нѣсколько спектаклей фокусники и „Біоскопы“, и только въ нынѣшнемъ году у насъ играетъ постоянная драматическая труппа подъ управленіемъ г. Тамарина. Спектакли ставятся отъ 3-хъ разъ и болѣе въ недѣлю. Составъ труппы небольшой, но подобранъ удачно. Женскій персоналъ: Чардымская, Кушенская, Ожегова-Рошина, Мажарова, Данилова, Скуратова. Мужской персоналъ: Тамаринъ, Павленковъ, Крамесь, Рижскій, Арбенинъ, Степановъ, Чадаевъ, Моргуновъ. Открытіе сезона состоялось 14 ноября. Шли слѣд. пьесы: „Чужая“, „Чародѣйка“, „Блуждающіе огни“, „Каширская старина“, „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“, „Ванька Ключникъ“, „Двѣ сиротки“, „Грѣхъ да бѣда“, „Дядя Ваня“, „Власть тьмы“, „Степной богатырь“. Спектакли публикой посѣщаются очень охотно, труппа нравится, особеннымъ успѣхомъ пользуются г-жи Чардымская и Кушенская, Гг. Павленковъ, Рижскій, Крамесь, Степановъ. 9-го декабря вечеръ былъ посвященъ памяти Чехова: была поставлена пьеса „Дядя Ваня“, а въ заключеніе чествованіе артистами и публикой Чехова передъ убраннымъ зеленью и цвѣтами бюстомъ Чехова. Вечеръ прошелъ очень оживленно. Труппа, по всей вѣроятности, здѣсь останется до великаго поста.

Самарскій.

АДРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Бартоловъ, Пав. Григ. Спб., Мойка, 61, кв. 54 меб. комн. Мужика.
Бояровъ, (фать), В. И. Спб., 3-я Рождественская, 14, кв. 25.
Воловская, Соф. Феликсев. Спб., Фонтанка, 55, кв. 67.
Ермаковъ, Арт. Степ. (баритонъ), Спб., Никольскій пер., д. 4.
Карамаловъ, Дм. Мих. Вильна, гор. театр.
Каренина, Ан. Дм. (ком. стар.) Спб., Забалъ пр., 22, кв. 29.
Крамковъ, А. Г. Елецъ, Орл. губ., театр.
Малышевъ, Ник. Петр. Спб., Кабанетская, 17.
Мачинъ, Мих. Петр. Спб., Загородный, 12, кв. 38.
Монжаревъ, Ник. Ник., Симферополь, зим. театр.
Рене, А. Ф. (ing. dk. и соп.) Спб., 3-я Роща, 14, кв. 25.
Сабуровъ, Смм. Фед. Москва, М. Дмитровка, 31.
Свободина-Барышева, Мор. Пав. Спб. Фонтанка, 102, кв. 6.
Серболовскій, Андр. Зах. Москва, В.-Гряздниковск. пер., „Алгамбра“.
Смилчевъ, Фед. Вас., Спб., Б. Конюш., 16, кв. 14.
Судьбинина, Нв. Нв. Спб., Невскій, 51, кв. 103.
Хворостовъ, Нв. Алексѣев. Спб., Николаевская, 57.
Хорошино, (ком.-рез. докор.) Пав. Вас., Спб., Забалъ пр., 22, кв. 29.
Яблочникова, Пол. Смирн. Спб., Загород. 14, кв. 7.
Яновская, Копр. Ник. Спб., Ивановская, 3.

Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, дозволеннымъ къ представленію безусловно.

(№ 287 отъ 18 дек.).

„Воръ“. Ком. въ 1 д. О. Мирбо. Перев. В. А. Готвальдъ. Изд. библиотекы М. А. Соколовой.

„Воръ“. Ком. въ 1 д. О. Мирбо. Переводъ В. О. Шмидтъ. Литографія библиотекы С. О. Разсохина.

„Враги (Семья Плетухинныхъ)“. П. въ 5 акт. и 6 карт. О. М. Чеботарева. Электр. типографія Д. П. Подземскаго. Польша.

„Въ винѣ сатана“. П. въ 3 д. для народнаго театра. Изданіе конторы литературно-художественныхъ изданій „Репертуаръ“.

„Вѣчный мужъ“. Сц. въ 5 д. и 6 кар. А. К. Святопольк-Мирской. По разсказу О. М. Достоевскаго. Типографія Рубшевскаго и Вротновскаго. Варшава.

„Граммфоніада“. Ш. въ 2 д. Л. Г. Урусова. Товарищество художественной печати. С.-Петербургъ.

„Графиня дю Барри“. П. въ 5 д. Давида Беляско. Перев. А. Абель. Изданіе С. О. Разсохина.

„Грозовая ночь“. Др. въ 5 д. Л. Я. Никольскаго. Изданіе библиотекы М. А. Соколовой.

„Данте (1303—1314)“. Др. въ 4 д. Перев. А. П. Воротникова. Изданіе С. О. Разсохина.

„Доброволецъ“. Др. въ 4 д. Изъ эпохи русско-японской войны князя Б. А. Щетинна. Типографія Г. Г. Аралова. Москва.

„Дочь Юрію“. Д'Аннуцио въ 3 д. Перев. А. П. Воротникова. Товарищество скоропечатни А. А. Левенсовъ. Москва.

„Женихъ на расхватъ“. Ш. въ 1 д. Д. Т. Ленскаго. Изданіе товарищества М. О. Вольфа.

„Клятва“ (Gheito). Др. въ 3 д. Г. Хейерманса. Перев. Э. Э. Маттерна и А. П. Воротникова (по нѣмецкому изданію). Изд. театральн. библ. М. А. Соколовой.

„Красная мантия“ (Robe rouge). Пьеса въ 4 дѣйст. Перев. А. Фодотова. Литографія С. О. Разсохина.

„Красная мантия“ (La robe rouge). Пьеса въ 4 дѣйст. Соч. Бріе. Пер. съ фран. К. П. Ларина. Изданіе журнала „Театръ и Искусство“. Типографія с.-петербургскаго товарищества „Трудъ“.

„Кручина“. Др. въ 5 дѣйст. И. В. Шпажнскаго. Драм. соч. И. В. Шпажнскаго. Томъ I. Изд. второе. Тип. А. С. Суворина.

„Лампа погасла“. Пьеса въ 5 дѣйст. и 2 карт. Соч. Т. Ф. Кошкаревой. Литографія С. О. Разсохина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НАШИ ДНИ“

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

Газетѣ обѣщали свое участіе:

В. К. Агафоновъ, Д. Я. Айванъ, Н. П. Ашешовъ, Ю. И. Безродная, О. М. Блекловъ, И. К. Врусиловскій, И. П. Вѣлоконскій, проф. А. В. Васильевъ, М. В. Валсонъ, П. И. Вейнбергъ, проф. В. И. Вернадскій, В. Н. Водозовова, Е. А. Ганейверъ, С. Г. Двининъ, I. В. Гессель, прив.-доц. В. М. Гессель, прив.-доц. П. М. Головачевъ, П. А. Голубевъ, А. Г. Горнфельдъ, проф. И. М. Гревсъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, Е. Елеонскій, В. С. Елпатъевскій, А. Н. Иванчинъ-Лисаревъ, М. И. Инполитовъ, прив.-доц. Н. И. Каминка, В. В. Каррикъ, проф. Н. А. Карышевъ, проф. Н. И. Карьевъ, Д. А. Клеменць, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Г. Кулюбо-Корецкій, П. И. Куркинъ, Н. И. Лазаревскій, Г. А. Ландау, М. А. Ладъженскій, Н. Н. Львовъ, Е. П. Лѣткова, В. В. Лесевичъ, П. Н. Милоковъ, П. В. Мокіевскій, В. Д. Набоковъ, П. М. Невѣжинъ, проф. В. М. Нечаевъ, гр. А. Д. Нессельроде, проф. П. И. Новгородцевъ, А. И. Новиковъ, акад. С. О. Ольденбургъ, Л. Ф. Пантелеевъ, проф. Л. Г. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, проф. А. С. Посниковъ, А. В. Пѣшеховъ, М. А. Рейсперъ, О. И. Родичевъ, Вл. Розенбергъ, К. Руминскій, Евг. В. Святловскій, В. И. Семеновскій, А. Серафимовичъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Стороженскій, В. О. Тогомиандъ, А. С. Фейгельсонъ, В. I. Харитонъ, акад. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ, Л. Я. Штернбергъ, М. А. Энгельгардтъ, С. П. Юрилинъ, А. А. Яблоковскій, В. Е. Якушкинъ.

Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу	20	19	18	17	15	13	11	10	8	6	4	2

Первый номеръ вышелъ 18 декабря. Подписчики, подписавшіеся на 1905 годъ, получаютъ газету до конца 1904 года безплатно.

Контора и Редація Спб., Невскій 90.—Телефонъ 5989.

ТЕАТРЪ „БУФФЪ“ ЗИМНІЙ.

(Бывшій Манаевскій). Дирекція П. В. Тумпакова.

Русская опера, оперетта, феерія и балетъ.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

ТЕАТРЪ НЕМЕТТИ

(на Петербургской сторонѣ, Зеленна улица).

Съ 26-го по 31-е Декабря 1904 года,

ГАСТРОЛИ БРАТЪЕВЪ

Роберта и Рафаила АДЕЛЬГЕЙМОВЪ

СЪ СОБСТВЕННОЙ ТРУППОЙ.

РЕПЕРТУАРЪ: 26-го Декабря—„КАЗНЬ“, соч. Ге.—27-го: „РАЗВОЙНИКИ“, соч. Шиллера.—28-го: „ТРИЛБИ“, соч. Ге.—29-го: „КАЗНЬ“, соч. Ге.—30-го: „ГАМЛЕТЪ“, соч. Шекспира.—31-го: „КАЗНЬ“, соч. Ге.

Предварительная продажа билетовъ съ 18-го Декабря, въ касѣ театра, съ 10 час. утра до 5 час. дня и въ магазинѣ Трусовича, отъ 12 ч. до 5 ч. Невскій, 66 (домъ Елисева, уг. Екаторининской). Цѣна вѣстанъ обыкновенная.

НОВАЯ ОПЕРА

подъ управленіемъ князя А. А. Церетели. Театръ Спб. Консерваторіи.

Праздничный репертуаръ съ 26-го Декабря 1904 г. по 2-е Января 1905 г. Въ Воскресенье, 2-го Декабря, два спектакля: утр.—„ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ“, вѣч.—„ГУГЕНОТЫ“. Роль Рауля испол. солистъ Его Величества Н. Н. Фигнеръ.—Въ Понедѣльникъ, 27-го, два спектакля: утр.—„РУСАЛКА“, вѣч. (13 спектак. 1 абон.), 1) въ 1-й разъ нов. оп. Ц. Кюи: „М-лле ФИФИ“, 2) „ПОЛЬСКІЙ ЕВРЕЙ“.—Во Вторникъ, 28-го, два спектакля: утр.—„ДЕМОНЪ“, вѣч.—„КАРМЕНЪ“.—Въ Среду, 29-го (10 спектак. 3 абон.): „АИДА“. Роль Радамеса исп. солистъ Его Величества Н. Н. Фигнеръ.—Въ Четвергъ, 30-го: 1) „М-лле ФИФИ“, 2) „ПОЛЬСКІЙ ЕВРЕЙ“.—Въ Пятницу, 31-го (12 спектак. 2 абон.): „ФРА-ДЪЯВОЛО“. Фра-Дьяволо—сол. Его Величества Н. Н. Фигнеръ.—Въ Субботу, 1-го Января: „ОПРИЧНИКЪ“. Вагмановъ—сол. Его Величества М. И. Долгина, Авдлей—солистъ Его Величества Н. Н. Фигнеръ.—Въ Воскресенье, 2-го, два спектакля: утр.—„ПИКОВАЯ ДАМА“, вѣч.—„ЛАКМЕ“. Роль Геральда исп. барит. Императ. театра Л. М. Клементьевъ.

Билеты на всѣ объявлен. спектакли продаются ежедневно въ касѣ Новой Оперы (зданіе Спб. Консерваторіи) отъ 10 ч. у. до окончанія спектакля.

«Изъ всѣхъ аппаратовъ для игры на рояльѣ наивысшее совершенство представляетъ безсомнѣнно „ФОНОЛА“»

Артуръ Хикишъ

Директора Лейпцигской консерватори и Дирижера Филармоническихъ концертовъ.

Если „ФОНОЛА“ лучше, почему же она дешевле?

Всѣ друг. аппараты строятся въ Америкѣ, гдѣ всякій трудъ оплачивается вдвое дороже чѣмъ въ Германіи. „ФОНОЛА“ какъ новѣйш. аппаратъ, имѣя много собственн. улучшеній, заключаетъ въ себѣ всѣ отдѣлы преимуществъ разн. американск. аппаратовъ, съэкономивъ лишніи затраты на опыты и патенты. „ФОНОЛА“ представляетъ такое явленіе въ отрасли аппаратовъ для игры на рояльѣ, что всѣ аппарат., которыми такъ недавно еще восхищались музык. авторитеты, нынѣ, при сравненіи съ „ФОНОЛОЮ“, являются мертвыми машинами. Это мнѣніе подтверждаютъ отзывы Директора Арт. Нияншъ, Проф. К. Рейнеке, Проф. Кс. Шарвенка, пианистовъ Э. Зауэръ, А. Рейзенуэръ, А. Грюнфельдъ, скрипача Яна Кубелина и др.

„ФОНОЛА“ представляетъ къ любому роялю или пианино. Научиться играть можетъ каждый, безъ учителя, въ 10 м. Репертуаръ нотъ состоитъ изъ 6000 №№, въ которые входитъ какъ вся классическая литература, начиная съ Баха, такъ и вся легкая музыка, до джиганскихъ пѣсенокъ и какъ-угодно включительно, цѣною отъ 1 р. 20 к.

Фонола въ теченіи всего дня демонстрируется въ моемъ магазинѣ.

Главный представитель для всей Россіи **К. И. БЕРНГАРДЪ**, Невскій, 45, уг. Троицкой.

Театръ-концертъ.

Фонтанка, 19, Тел. № 1908.

Дирекція П. Я. Турнина.

„АПОЛЛО“

Гастроль известной парижской звезды

La Jolie и célèbre

ЛУИЗЫ ФАЖЕТЪ

Ежедневно большой артистическій концертъ-попури и послѣднія атракціонныя новинки.

Дебютъ лучшихъ артистокъ и артистовъ непреклонныхъ заграничныхъ театровъ. Подобралъ въ афишахъ.

Режиссеръ А. А. Емдо.

Лучшее косметическое средство,

дѣлающее лицо свѣжымъ и чистымъ

Кремь **КАЗИМИ**

Метаморфоза

противъ ВЕСНУШЕКЪ.

Доказательствомъ подлинности средства противъ веснушекъ служатъ подписи

Cassini

и приложенный при каждой баночкѣ рисунокъ „ИСТОЧНИКЪ КРАСОТЫ“.

Cassini

Безъ подлиннаго рисунка, утвержденного Департаментомъ Торгов. и Мануфактур. за № 4683—

ПОДДѢЛКА.

Продается во всѣхъ аптекахъ, парфюм. магаз. и аптекахъ.

ИСТОЧНИКЪ КРАСОТЫ

Источникъ красоты.

Продается въ Англіи.

„ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ“

Зданіе „Пассажа“ Итальянская, 19. ☉ Дирекція В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ.

Въ воскресенье, 26-го декабря: утр. „Привидѣнія“ соч. Ибсена, веч. „Дачники“, соч. М. Горькаго. Варвара — Домашева. — 27-го: „Дядя Ваня“, соч. А. Чехова, веч. „Весенній потокъ“, соч. А. Косоротова. — 28-го: утр. „Мастеръ“, соч. Бара, пер. Муравьевой, веч. „Букольный домъ“ (Нора), соч. Ибсена. — 29-го: утр. „Дачники“, соч. М. Горькаго. Варвара — Домашева, веч. „Весенній потокъ“, соч. А. Косоротова. — 30-го: „Таланты и поклонники“, соч. Островскаго. — 31-го: „Авдотьяна живъ“, соч. С. Найденова. — Въ Субб. 1-го Января 1905 г. „Дачники“, соч. М. Горькаго. Варвара — В. Ф. Комиссаржевская.

Начало вечера. спектакль ровно въ 8 ч. веч. Начало утренн. спектаклей въ 12 1/2 час. дня.

Театры СПб. Городского Попеч. о народн. трезвости.

Народный Домъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 26-го декабря, днемъ: „РАЗРЫВЪ ТРАВА“, веч.: „ЖЕНИХЪ ИЗЪ НОЖОВОЙ ЛИНИИ“. — 27-го, днемъ: „1812 ГОДЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ“, веч.: „ГРОЗА“. — 28-го, 1) первое представленіе новой пьесы: „ДАША СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ“, историческій этюдъ В. В. Протопопова. 2) „ЗА ЧѢМЪ ПОИДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ“. — 29-го: „СЪ ПЛАХИ ПОДЪ ВЪНЕЦЪ“ (Крестьянка). — 30-го: „ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТЪ“. — 31-го: „КНЯГИНЯ УЛЬЯНА ВЯЗЕМСКАЯ“. — 1-го Января, днемъ: „ЧАРОВНИКА“, веч.: 1) „ДАША СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ“. 2) „БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ“.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (бывш. Стеклан. зав.).

Въ Воскресенье, 26-го декабря: „ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА“. — 27-го: „КНЯГИНЯ УЛЬЯНА ВЯЗЕМСКАЯ“. — 30-го: „СИДОРКИНО ДѢЛО“. — 1-го Января: „ЧЕСТЬ“. Зав. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

Театръ „ФАРСЪ“.

НЕВСКІЙ 56, домъ Г. Г. Елисева, Телефонъ № 1492.

Товарищество артистовъ подъ главнымъ режиссерствомъ **В. А. КАЗАНСКАГО.**

Составъ группы: г-жи Турчи, Мосолова, Ручьевская, Запольская, Ларина и др.; гг. Гаринъ, Казанскій, Колесовъ, Клеманскій, Островскій, Павловъ и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ СПЕКТАКЛИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

З. БУХАРОВОЙ.

Ц. 75 коп. безъ пересылки.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

ПРОКАТЪ

КОСТЮМОВЪ

въ провинцію

Бр. ЛЕЙФЕРТЪ. Спб. Караванная, 18.

будетъ возможнымъ лишь тогда, когда накладные расходы по пересылкѣ удастся разложить на цѣлую группу театровъ.

Чтобы это осуществить, необходимо имѣть свѣдѣнія, какіе театры испытываютъ надобность въ прокатѣ костюмовъ, для какихъ пьесъ, въ какой періодъ сезона.

Просимъ не отказать въ сообщеніи этихъ свѣдѣній всѣхъ, кого это касается. Тогда будетъ организованъ такой прокатъ на возможно выгодныхъ и доступныхъ условіяхъ.